

Россия в западном зеркале: отражения и искажения

{ Post scriptum }

Русский вопрос в истории политики и мысли: Антология / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2013. 624 с.: ил.

Русский вопрос и линия русофобии в истории политики и политической мысли Европы XIX века (с. 6–56)

{ Содержание }

Русский вопрос и линия русофобии в истории политики и политической мысли Европы XIX века

Уилсон Роберт. Очерк о военном и политическом могуществе России в 1817 году

Эванс Джордж. Замыслы России

Уркхарт Дэвид. Англия и Россия

Роулинсон Генри. Англия и Россия на Востоке

Вамбери Арминий. Предстоящая борьба в Индии

Копия плана европейского господства

Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году

Мишле Жюль. Демократические легенды Севера

Кёрдеруа Эрнест. Ура!!! Или революция от казаков

Доре Гюстав. Чрезвычайно образная, увлекательная и причудливая история Святой Руси

Мартен Анри. Россия и Европа

Маркс Карл. Разоблачение дипломатической истории XVIII века

Энгельс Фридрих. Внешняя политика русского царизма

Духиньский Франтишек. Основы Истории Польши, иных славянских стран и Москвы

Пилсудский Юзеф. Россия

Ген Виктор. О нравах русских

Ширрен Карл. Лифляндский ответ господину Юрию Самарину

Экгардт Юлиус. Новая русская эра

Русский вопрос и линия русофобии в истории политики и политической мысли Европы XIX века

Замысел настоящей антологии состоит в том, чтобы проследить формирование негативных стереотипов восприятия образа России и русских в политической литературе европейских стран XIX века. При всей важности положительных интерпретаций российского участия в международных политических процессах, быта, нравов и обычаев России, – которые, безусловно, присутствовали в научных трудах и публицистике Европы того времени, – наша задача состояла в следующем. Мы попытались показать, каков был круг идей, которые зарождались и внедрялись в массовое сознание европейцев, формировали устойчивое общественное мнение в разных слоях общества, а также у представителей правящей элиты европейских государств, и относились лишь к одной, но довольно влиятельной линии в общественно-политической мысли – линии русофобии. Речь идет о так называемом «русском вопросе», который неизменно поднимали влиятельные политики, государственные и общественные деятели, публицисты – непосредственные участники политических событий Европы девятнадцатого столетия.

Что такое русский вопрос в истории политики и мысли? Это явление имеет две стороны, два основания и аспекта. Во-первых, это особенности существования так называемой «титупной нации» – русских в многонациональной империи. К XIX веку сложилось парадоксальное несоответствие ситуации в центре и на периферии огромной Российской империи, когда обитатели «окраин» (Остзейский край, Польша, Финляндия и др.) страны получали большие социально-политические и экономико-правовые преференции по сравнению с жителями центральной России. В то же время при дворе зачастую особую роль играли лица – выходцы из тех самых окраин (особенно прибалтийские немцы) или европейских стран. Во-вторых, династический характер внешней политики Российской империи, направленной на сохранение европейских монархий и политического «баланса сил» в Европе, вмешательство с этой целью во внутренние дела других государств, участие практически во всех европейских войнах привели к возникновению в массовом сознании европейцев устойчивого страха перед экспансивной силой России.

Столкновение внешнеполитических интересов России на Балканах, а затем в Центральной Азии с интересами других европейских государств, особенно Великобритании, агрессивная политическая пропаганда этих стран, акцентирующая культурные противоречия, которые не так четко обнаруживались в высших слоях европейского и русского обществ, но становились весьма заметными при столкновении с простым русским народом, который был объявлен европейскими писателями и журналистами «варварским», «азиатским», «коварным» и «кровожадным», – все это обусловило превращение русофобии в устойчивый элемент общественного сознания европейцев.

В свое время замечательный русский мыслитель И.А. Ильин в небольшой статье «Мировая политика русских государей» (1949), перечисляя характерные черты отношения Запада к России в XIX веке, обнаружил в Европе целое «гнездо дурных аффектов: страха, высокомерия, вражды, зависти и невежественной клеветы...». Емкая, точная и выразительная формула Ильина, разъясняющая суть такого отношения, сводится к следующему: «Европейцам “нужна” дурная Россия: **варварская**, чтобы “цивилизовать” ее по-своему; **угрожающая своими размерами**, чтобы ее можно было расчленивать; завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; **реакционная**, чтобы оправдать в ней революцию и требовать для нее республики; **религиозно-разлагающаяся**, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать не ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии. Но если эту “гнилую” Россию можно стратегически использовать, тогда европейцы готовы заключить с ней союзы и требовать от нее военных усилий “до последней капли ее крови”»¹.

В данном случае Ильин «осовременил» понятие, которое, как принято считать, впервые ввел в общественный оборот Ф.И. Тютчев², указывавший, что в основе «руссофобии» – ненависть, пламенное, слепое, неистовое враждебное настроение против России³.

Возникновение образа России – «чудовища», «людоеда 19-го века»⁴ – в общественном сознании европейцев, с точки зрения Тютчева, было обусловлено глубинными причинами, лежащими в основе цивилизационных различий Западной и Восточной Европы (то есть России – законной сестры христианского Запада, не феодальной и не иерархической, но потому самому еще более искренне-христианской, целого мира, единого по своему началу, солидарного в своих частях, живущего своею собственной органической, самобытной жизнью⁵), непониманием общественной системы, цивилизации, которая сменит западную: «Западные люди, судящие о России, – это нечто вроде китайцев, судящих о Европе...»⁶. К «непониманию» присовокупляется «нравственная безответственность»⁷. При этом, как тонко подмечал Тютчев, общественное мнение раздражает против России не реальные «несовершенства нашего общественного строя, недостатки нашей администрации, положение низших слоев нашей народности»⁸, а сами начала цивилизации (история без феодализма,

¹ Ильин И.А. Мировая политика русских государей // Профессор И.А. Ильин. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Т. I. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956. С. 93.

² В.В. Кожин в своих работах («О русском национальном сознании», «Пророк в своем отечестве (Федор Тютчев – Россия век XIX)», «Судьба России: вчера, сегодня, завтра»), указывая на то, что именно Тютчев ввел в общественно-политическую лексику слово «руссофобия», в качестве доказательства приводил слова из письма поэта дочери Анне от 26 сентября 1867 года: «Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер. Это *руссофобия* некоторых русских людей – кстати, весьма почитаемых. [...] в явлении, которое я имею в виду, о принципах как таковых не может быть и речи, здесь действуют только инстинкты, и именно в природе этих инстинктов и следовало бы разобраться». Тютчев здесь говорит о русских либералах-западниках.

³ Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. М., 1999. С. 191.

⁴ Там же. С. 176.

⁵ Там же. С. 182.

⁶ Там же. С. 100.

⁷ Там же. С. 191.

⁸ Там же. С. 193.

религиозной борьбы, папской иерархии, имперских войн, инквизиции, рыцарства; наличие единства и «основного начала», которое «не уделяет достаточного простора личной свободе, оно не допускает возможности разъединения и раздробления»¹). В связи с этим он также отмечает инстинктивный характер русофобии, возникающей у западных людей перед лицом материальной силы России. Это инстинктивное чувство – «нечто среднее между уважением и страхом – то чувство афе (благоговейного страха. – Авт.), которое испытывают только по отношению к Власти»².

* * *

Большую роль в восприятии России и русского народа русофобия играла в Британской империи³. Для этого существовали определенные основания. Во-первых, Россия и Британия на протяжении XIX века довольно часто оказывались по разные стороны баррикад как в Европе, так и на Востоке. Во-вторых, британская внешняя политика и публицистика вдохновляли русофобские выступления в различных странах от Балтики до Тихоокеанского региона. В-третьих, многочисленные попытки британского вмешательства во внутреннюю политику России: от участия в подготовке убийства императора Павла I и поддержки различных инсургентов на Кавказе до эскалации революционного процесса.

Антирусский публицистика в Британской империи первой половины XIX века характеризует различные этапы венской системы международных отношений, которая сложилась после создания Священного союза в 1815 г. В 1814 г. Александр I посетил Лондон и, казалось, отношения между двумя сильнейшими мировыми империями Россией и Британией были налажены. Но в последующие годы отношения между империями охладились главным образом из-за столкновения их внешнеполитических интересов на Балканах и в Турции⁴. Это иллюстрирует памфлет генерала Роберта Томаса Уилсона (1777–1849) «Очерк о военном и политическом могуществе России в 1817 году», появившийся в том же 1817 г. и выдержавший несколько изданий⁵. К этому времени за плечами автора памфлета было участие в многочисленных военных кампаниях на Европейском континенте и секретных миссиях в Османской империи (Египте и Турции)⁶. Он обрел известность военного писателя, выпустив книги о египет-

¹ Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. М., 1999. С. 192.

² Там же. С. 100–101.

³ Gleason J.H. The Genesis of Rusophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge, 1960; Krautheim H.-J. Öffentliche Meinung und imperiale Politik: Das britische Russlandbild, 1815–1854. Berlin, 1977.

⁴ См.: Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985; Орлов А.А. Россия и Англия в 1815–1817 гг.: от союза к охлаждению // В.А. Дунаевский. Педагог, ученый, солдат. К 80-летию со дня рождения. М., 2000. С. 224–243.

⁵ [Wilson Rober Thomas]. A Sketch of the Military and Political Power of Russia in the Year 1817. 3rd edition. London: James Ridgway, 1817.

⁶ Подробнее об Уилсоне см.: Glover M. A Very Slippery Fellow: The Life of Sir Robert Wilson, 1777–1849. Oxford, 1978; Samuel I. An Astonishing Fellow: the Life of General Sir Robert Wilson. London, 1985; Орлов А.А. «Английский обер-шпион» или «солдат удачи»: оценка деятельности и личности генерала Р.Т. Вильсона в русской и англоязычной историографии // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: Сборник материалов. М., 2005. Т. 4 / Ред.-сост. В.М. Безотосный. С. 272–286; Он же. «Наш английский генерал» (об отношении генерала Р.Т. Вильсона к России и к русским) // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография: Сборник материалов. М., 2006. Т. 5: Сборник материалов: к 200-летию Отечественной войны 1812 г. / Ред.-сост. В.М. Безотосный и А.А. Смирнов. С. 154–177.

ской и польской кампаниях. Вместе с русской армией автор прошел дорогами Отечественной войны 1812 г., находился при Главной квартире М.И. Кутузова, а затем при Александре I в качестве представителя английского командования. В последние годы жизни занимал пост губернатора Гибралтара (1842–1849).

Памфлет начинается с утверждения, что борьба с Наполеоном ослабила Англию и в то же время дала возможность укрепиться США и России. Таким образом, на месте одного противника появилось три. Главную свою задачу Р. Уилсон видел в том, чтобы «выявить правду», каким образом это произошло. На первый взгляд, автор беспристрастно рассказывает о событиях предшествующих Отечественной войне 1812 г. и самих военных операциях (именно эта часть публикуется в данном сборнике), но затем анализирует новые возможности России после территориальных приобретений 1810-х гг., что придает первой части памфлета совершенно иное звучание. Рассказывая об Отечественной войне 1812 г., автор знакомит британского читателя с военными ресурсами России на тот случай, если понадобится воевать с ней, и для этого подробно разбирает все ошибки наполеоновской армии. Памфлет «Очерк о военном и политическом могуществе России в 1817 году» вызвал широкую дискуссию в Британии. Все читатели согласились с главным выводом Уилсона о том, что Россия превратилась в одну из самых мощных мировых держав, но не все согласились с тем, что это превращение представляет опасность для Британии. Памфлет Уилсона не смог подорвать приверженности Британии Венской системе международных отношений, хотя убедительно доказал, что антинаполеоновские войны и Священный союз изменили баланс сил в Европе в пользу России.

Вновь обратиться к «анализу» внешней политики России британским публицистам дала возможность Русско-турецкая война 1828–1829 гг. В первый год войны памфлет «Замыслы России»¹ опубликовал генерал британской армии Джордж де Лейси Эванс (1787–1870). Он начал военную службу волонтером еще в 1806 г., а завершил командующим вторым дивизионом Британской армии, участвуя в осаде Севастополя, битвах при Альме и Инкермане в Крымскую войну (1853–1856). Одновременно с военной службой Эванс был членом Парламента (1830–1841, 1846–1865). Он был убежден, что Россия ведет откровенно захватническую политику, и потому предлагал кардинально пересмотреть позицию Британии, которая в то время была союзницей России, совместно с ней выступала на стороне Греции и участвовала в Наваринском сражении 1827 г. против Турции. Наглядным примером русского экспансионизма для Эванса служила Русско-турецкая война 1828–1829 гг., которая, по его мнению, явно обозначила основной вектор русской внешней политики – Константинополь, чей захват для России представлял политическую и экономическую потребность. Памфлет Эванса привел к всплеску русофобских настроений в Британии и способствовал усилению противоречий между союзниками, однако британское правительство и парламент в тот момент не были готовы идти на разрыв отношений с бывшим союзником. Благоприятный момент для этого настал в 1830 г., когда партия вигов сформировала кабинет министров и на пост секретаря (министра) по иностранным делам был приглашен лорд Пальмерстон². Радикализация внешней политики Британии пошла рука об руку с радикализацией антирусской британской публицистики, самым ярким пред-

¹ *Evans de Lacy. The Designs of Russia. London: John Murrey, 1828.*

² О роли Пальмерстона в радикализации внешней политики см.: *Webster C.K. The Foreign Policy of Palmerston, 1830–1841: Britain, the Liberal Movement, and the Eastern Question: In 2 vol. N.Y., 1969; Taylor A. Palmerston and Radicalism, 1847–1865 // Journal of British Studies. 1994. Vol. 33. No. 2. P. 157–179; Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5.*

ставителем которой стал Дэвид Уркхарт (1805–1877)¹. В 1833 г. он опубликовал памфлет «Турция и ее ресурсы»², в котором обосновал перспективы развития торговых отношений между Британской и Османской империями. Благодаря этому памфлету, Уркхарт был представлен королю Вильгельму IV и Пальмерстону, а затем направлен в Турцию для детального изучения ресурсов Турции. На следующий год Вильгельм IV предложил Уркхарту занять пост британского консула в Стамбуле, однако тот отказался, чтобы провести новую кампанию в поддержку Турции. При участии британского посла в Османской империи Понсонби Уркхарт подготовил и выпустил в свет памфлет «Англия, Франция, Россия и Турция» (1834)³, выдержавший пять изданий, – своеобразный ответ на подписание Россией и Турцией Ункяр-Искелесийского мирного договора 1833 г., который, по мнению Пальмерстона, превратил Турцию в «вассала России».

Уркхарт и его издания стали в то время олицетворением британской русофобии. Развернутая им против России пропагандистская кампания имела ряд особенностей. Во-первых, критикуя внешнюю политику России, Уркхарт как сторонник интервенционизма предлагал практические решения по ее нейтрализации. Во-вторых, русофобия Уркхарта в действительности проистекала из его туркомании, поэтому его памфлеты были востребованы в моменты обострения российско-турецких отношений. В-третьих, Уркхарт значительно расширил круг источников, которые должны были подтвердить агрессивную политику России, в частности сделал известными широкой публике значительное число дипломатических документов, которые ему предоставили польские эмигранты и посол Понсонби.

Антироссийская кампания Уркхарта была настолько успешной, что он был назначен секретарем британского посольства в Османской империи. Именно в этот период проявился большой интерес Уркхарта к возможностям использования черкесов для противодействия продвижению России на Кавказе. В 1836 г. он в нарушение российского эмбарго на международную торговлю вдоль восточного побережья Черного моря попытался доставить оружие черкесам и тем самым вызвать российско-британский конфликт, за что был уволен с дипломатической работы. В дальнейшем Уркхарт занимался организацией комитетов по иностранным делам для пропаганды радикального патриотизма среди рабочих, особенно в период Крымской войны. К 1850-м гг. относится знакомство Уркхарта с К. Марксом, который под его влиянием начал готовить памфлеты, направленные против Российской империи и внешней политики Пальмерстона.

В связи с формированием крымской системы международных отношений Россия стала более активно использовать центрально-азиатский регион для восстановления баланса сил в Европе. Соперничество Российской и Британской империй в этом регионе получило наименование «Большой игры»⁴. Важную роль в обострении англо-российских противоречий сыграл Генри Кресвик Роулинсон (1810–1895). Начиная с 1827 г. он выполнял военные и дипломатические поручения в Персии, Британской Индии и Османской Аравии и одновременно

¹ *Lamb M.* The Making of a Rusophobe: David Urquhart – The Formative Years, 1825–1835 // *The International History Review*. 1981. Vol. III. No. 3. P. 330–357.

² [*Urquhart David*]. *Turkey and its Resources: its Municipal Organization and Free Trade; The State and Prospects of English Commerce in the East*. London: Saunders and Outley, 1833.

³ [*Urquhart David*]. *England, France, Russia & Turkey*. London: James Ridgway & Sons, 1834.

⁴ *Ingram E.* *The Beginning of the Great Game in Asia, 1828–1834*. Oxford, 1980; *Холкирк П.* *Большая Игра против России. Азиатский синдром*. М., 2004; *Сергеев Е.Ю.* *Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии*. М., 2012; и др.

занимался изучением археологических памятников и произведений клинописи. Роулинсон равно преуспел в обеих областях, став директором Ост-Индской компании (1856–1858), членом Парламента (1858, 1865–1868), президентом Королевского географического общества (1874–1875) и Азиатского общества (1878–1881) и т.д. В 1868 г. он подготовил для Парламента «Меморандум», в котором после рассмотрения этапов продвижения России в Центральную Азию, пришел к выводу о серьезности российской угрозы для Британской Индии и британских интересов на Востоке¹. Доводы Роулинсона нашли понимание как в Британии, так и в Британской Индии, и способствовали переходу Британии от политики «искусного бездействия» к политике «дружеского вмешательства», иначе говоря, к политике интервенционизма в Центральной Азии.

В 1885 г. произошел так называемый афганский кризис, который стал кульминацией «Большой игры» и чуть было не привел к войне между Британской и Российской империями. После захвата афганского города Пендже русские войска вступили в бой с афганскими подразделениями, которыми командовали англичане. Последние отступили. И хотя стороны воздержались от эскалации конфликта, британская публицистика продолжала требовать от Министерства иностранных дел и по делам Содружества более активных действий в этом регионе. Данное событие способствовало тому, что книга Арминия Вамбери (1832–1913) «Предстоящая борьба в Индии» (1885), написанная под влиянием версии о русской угрозе Британской Индии, стала бестселлером². Ее отличало не только хорошее знание региона, но и использование разнообразных российских источников. Венгерский востоковед, путешественник Вамбери (он называл себя Германом Вамбергером или Бамбергером) был свидетелем подавления российской армией венгерской революции в 1849 г. Очевидно, это и определило его антироссийские и пробританские настроения, характерные для большинства венгерских эмигрантов³. Общеευропейскую известность Вамбери принесло описание путешествия по Закавказью и Центральной Азии, совершенного в 1861–1864 гг. Примерно в 1868 г. он стал секретным британским агентом и тайным корреспондентом Министерства иностранных дел и по делам Содружества Британской империи. Книга Вамбери «Предстоящая борьба в Индии», как и вся его политическая публицистика 1870–1890-х гг., полная враждебности к России и отстаивавшая колониальные интересы британской короны, претендовала на роль своего рода учебного пособия для западноевропейских правительств. Однако многие из них отнеслись к ней скептически. Вамбери забросил политику и целиком отдался преподавательской и научной работе.

Особенностью британской русофобии XIX века является акцент на международных отношениях, что связано с экономическими интересами Великобритании на Ближнем Востоке и Южной Азии. Зная, что во внешней политике Британское внешнеполитическое ведомство руководствуется британским общественным мнением, собственными интересами в регионах и учитывает внешнюю политику великих держав, авторы антироссийских памфлетов одновременно решали несколько задач: формировали общественное мнение, необходимое для принятия тех или иных внешнеполитических решений; изо-

¹ Первое издание «Меморандума» вошло в книгу: *Rawlinson Henry. England and Russia in the East: A Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia*. 2nd edition, with additional notes. London: John Murrey, 1875.

² *Vambéry Arminius. The Coming Struggle for India, Being an Account of the Encroachments of Russia in Central Asia and of the Difficulties Sure to Arise Therefrom to England*. London etc.: Cassell & Company, 1885.

³ О Вамбери см.: *Bartholomä R. Von Zentralasien nach Windsor Castle. Leben und Werk des ungarischen Orientalisten Arminius Vámbéry (1832–1913)*. Würzburg, 2006.

бражали внешнюю политику России в невыгодном для нее свете и, наконец, пытались убедить правительство и народ в том, что внешняя политика России наносит урон интересам Британии. Характер русофобских выступлений определялся и другими факторами. *Во-первых*, наиболее сильные антироссийские настроения были характерны для партии вигов (примечательно, что памфлеты, критиковавшие русофобские выступления, иногда подчеркнуто называли «непартийными»¹). *Во-вторых*, антироссийская публицистика сознательно эксплуатировала народный радикализм и радикальный патриотизм². *В-третьих*, заметное влияние на британскую русофобию оказывала политическая эмиграция, в частности, польская «великая эмиграция» 1830–1870 гг., венгерская эмиграция после подавления венгерской революции в 1849 г.³, русская революционная эмиграция 1860–1880-х гг. и т.д. Справедливости ради нужно заметить, что русофобия не смогла полностью предопределить отношение к России и русскому народу в британском обществе. Не случайно и в период Крымской войны, когда в Британии велась масштабная антироссийская пропаганда, и в период Русско-турецкой войны 1877–1879 гг. правительству и парламенту страны не удавалось достичь единства по различным международным вопросам, касающимся Российской империи. Не случайно сами британцы нередко выступали с критикой русофобских памфлетов и негативных стереотипов, которые в них воспроизводились. Все это свидетельствует о живом интересе британского общества к России, о его желании получить объективное представление о русской внутренней и внешней политике, культуре и повседневной жизни⁴.

* * *

Отношения России и Франции на протяжении всего XIX века складывались очень непросто и отличались нестабильностью. Вслед за колебаниями политического курса, изменялось и восприятие России французским обществом. Периоды международной политической напряженности непременно вызывали шквал негативных оценок и образов «русского медведя». Французскую русофобию этого периода можно весьма условно разделить на три периода.

Начало первому периоду напряженности было положено противостоянием европейских стран в эпоху наполеоновских войн. Агрессивная завоевательная политика Наполеона в отношении России обосновывалась мифом о якобы существующем и передающемся из поколения в поколение правителей России «завещании» Петра I. Предположительно в 1812 г. в Париже вышла книга анонимного автора «О росте Русского государства с момента его возникновения

¹ [Bryant W.C.]. Advertisement // Cobden R. The Political Writing. Vol. 1. L.; N.Y., 1867. P. 158.

² Taylor M. The Old Radicalism and the New: David Urquhart and the Politics of Opposition // Currents of Radicalism: Popular Radicalism, Organized Labour and Party Politics in Britain, 1850–1914 / Ed. E.F. Biagini, A.J. Reid. N.Y., 1991. P. 23–43; Jonathan P. The Politics of Patriotism: English Liberalism, National Identity and Europe, 1830–1886. Cambridge, 2006.

³ Brock P. Polish Democrats and English Radicals, 1832–1862: A Chapter in the History of Anglo-Polish Relations // The Journal of Modern History. 1953. Vol. 25. No 2. P. 139–156; Hulse J.W. Revolutionists in London. Oxford, 1970; From the Other Shore: Russian Political Emigrants in Britain 1880–1917 / Ed. J. Slatt er. London, 1984; Miller M. The Russian Revolutionary Emigrés 1825–1870. Baltimore; London, 1986; Романюк С.К. «Русский» Лондон. М., 2009.

⁴ См.: Зашихин А.Н. «Глядя из Лондона»: Россия в общественной мысли Британии. Вторая половина XIX – начало XX в.: Очерки. Архангельск, 1994; Орлов А.А. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и Россия в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.): Очерки. М., 2008; и др.

до начала XIX века»¹, содержащая массу тенденциозно подобранных фактов захватнической политики России. Ее автор уверяет, что в личных архивах русских императоров хранятся секретные мемуары, написанные собственноручно Петром I, где якобы изложен план (проект) политической деятельности, рекомендованный Петром вниманию своих преемников, который большинство из них выполняли твердо и неуклонно. В доказательство в книге приводилось «резюме» этого плана из 14 пунктов. В 1836 г. Фредерик Гайярде в работе «Мемуары кавалера д'Эона»² опубликовал копию «плана европейского господства», оставленного Петром I своим преемникам, причем указал, что она снята непосредственно на месте, в архиве Петергофского дворца. Гайярде поясняет: этот документ нашел в секретных архивах царского двора находившийся на дипломатической службе в России некий кавалер д'Эон и в 1757 г. передал его в руки короля Людовика XV.

«Завещание» имеет своей исторической основой реальную внешнюю политику России в XVIII веке, но превратно истолкованную. Более всего в «документе» просматриваются внешнеполитические интересы Франции и Польши. Автор «Завещания» не был знатоком внешней политики Петра I, из-за чего в тексте имеется целый ряд ошибок и нелепостей³. Но он верно уловил многие тенденции русской политики и связал их с Петром I, руководствуясь выработанным в XVIII веке стереотипом: Россия – творение Петра I. Мешая правду с вымыслом, автор завершал создание нового стереотипа «русской опасности», который стыковался в сознании европейцев со старым – «русского варварства»⁴. Из этого «документа» читателю становилось ясно, что у Петра I были грандиозные замыслы и что проекты эти не были похоронены вместе с ним. Их осуществление таило угрозу для других европейских государств, от которой они спаслись только благодаря смерти русского императора. «Завещание» использовалось в западноевропейской антироссийской пропаганде и политической публицистике XIX–XX веков вплоть до эпохи холодной войны, неизменно «всплывая» практически при каждом обострении отношений с Россией как подтверждение мифа о «русской опасности».

Второй этап русофобских настроений во Франции XIX века наступил после непродолжительного сближения российской и французской позиций после крушения наполеоновской империи в годы Реставрации. Очередное охлаждение двусторонних отношений произошло после Июльской революции 1830 г. Воцарившегося на французском престоле Луи Филиппа Орлеанского император Николай I до конца жизни считал «узурпатором» престола, «похитившим» корону у малолетнего герцога Бордоского, внука свергнутого короля Карла X. Все это время французы так или иначе следили за происходящим в далекой России, однако их представления о ней были весьма поверхностными и расплывчатыми. Неточные, а порой и просто вымышленные сведения о близкой отставке высокопоставленных государственных деятелей России (например, наместника Царства Польского фельдмаршала И.Ф. Паскевича), о заговорах и бунтах в армии и т.п. регулярно появлялись на страницах французской печати.

Наиболее одиозной фигурой французской русофобии 1840-х гг. являлся французский литератор маркиз Астольф де Кюстин. Продолжая дело, начатое первооткрывателем жанра путевых заметок французским астроно-

¹ Des progress de la puissance Russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle. Par M. L***. Paris, 1812.

² Gaillardet Fr. Memoires du chevalier d'Eon. T. I–II. Paris, 1836.

³ См.: Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 416–417.

⁴ См.: Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Глава V. Саратов, 2003.

мом Жаном Шапп д'Отрошем (1722–1769), совершившим в екатерининские времена путешествие в Сибирь и оставившим современникам и потомкам антирусские по своему характеру записки¹, А. де Кюстин (1790–1857) уже в новом, XIX веке добился разрешения посетить Россию и летом 1839 г. совершил поездку по стране, во время которой вел путевой дневник в эпистолярном жанре. Первое издание 36 писем, написанных Кюстином в России, вышло в Париже в мае 1843 г. под названием «La Russie en 1839» (1–4 vol.), затем, в ноябре того же года, вышло второе, исправленное и дополненное издание. Третье и четвертое издания «России в 1839 году» вышли в 1846 г.; пятое – в 1854 г.; шестое – в 1855 г. Книга имела шумный успех у европейцев, ее перевели на немецкий и английский языки, неоднократно переиздавали. В России книгу Кюстина запретили, и первые отрывки из нее были переведены на русский язык и опубликованы лишь в 1891 г. Полностью путевые записки де Кюстина были переведены на русский язык, прокомментированы и изданы В.А. Мильчиной и ее коллегами² в 1996 г. Европейский успех книги и неприязненное отношение к ней и к ее автору в России во многом обусловили зоологический характер русофобских эскапад Кюстина. При всем уважении к некоторым нашим современникам, сумевшим разглядеть в писаниях Кюстина «любовь» и даже «восхищение» Россией³, вынуждены признать, что Кюстин в своих письмах недвусмысленно демонстрирует презрение к варварской стране, кишасей насекомыми и ...холопами, смысл жизни которых – страх и подчинение деспотизму высшей власти в лице немецкого императора. Последнему Кюстин выказывает известное сочувствие⁴. И если одна часть «холопов» – представители российской знати, продемонстрировав «чужовищную смесь византийской мелочности с татарской свирепостью, греческого этикета с азиатской дикой отвагой»⁵, буквально очаровали Кюстина, то «простой народ» – русские крестьяне, мещане, купцы, солдаты и прочие жители России и ее столицы – в большинстве своем предстают в описании Кюстина хитрыми, вороватыми, лукавыми, жестокими, уродливыми физически представителями немецко-шведско-ливонско-финско-калмыцко-татарско-славянской смеси⁶, жизнь которых проходит в антисанитарных условиях своеобразного симбиоза людей с клопами и тараканами. Неслучайно русское общество снизу доверху пронизано страхом, насилием, духом беззакония, шпионством. В нем господствует бескорыстное и безотчетное раболепство. Резюме Кюстина, «изучившего» за пару месяцев русский народ, крайне негативное: «русского народа еще и нет – есть только императоры, имеющие

¹ «Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 г.; содержащее отчет об обычаях и традициях русских, состоянии государственных дел этой державы; географическое описание и нивелирование дороги от Парижа до Тобольска, астрономические наблюдения и опыты с природным электричеством...» (Париж, 1768).

² Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. / Пер. с фр. под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Серия «Записки Прошлого».

³ См.: Кожин В. Маркиз де Кюстин как восхищенный созерцатель России. К 160-летию знаменитого путешествия (URL: http://www.patriotica.ru/enemy/koz_h_kustin.html).

⁴ «Сомнений больше нет; все решено: я вынес наконец суждение о Николае I... Это человек с твердым характером и непреклонной волей – без этих качеств невозможно стать тюремщиком третьей части земного шара; но ему не хватает великодушия: его злоупотребления властью слишком убедительно мне это доказывают» (Кюстин А. де. Россия в 1839 году / Пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. СПб.: Крига, 2008. С. 357).

⁵ Кюстин А. де. Россия в 1839 году / Пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. СПб.: Крига, 2008. С. 93.

⁶ Там же. С. 186.

рабов, и вельможи, также имеющие рабов; народа все они не образуют»¹. При этом народ, которого, по Кюстину, «еще нет», обладает «необузданной страстью к завоеваниям»² и угрожает Европе: «Россия видит в Европе свою добычу, которая рано или поздно ей достанется...»³.

Третий период всплеска русофобских настроений во Франции связан с Крымской войной 1853–1856 гг. Этот период отмечен наиболее острыми выпадами в адрес Российской империи со стороны всего европейского сообщества. В Европе появилось множество газетных и журнальных статей, карикатур, памфлетов и целых работ, посвященных описанию варварской и дикой природе русских и русского государства.

Французский историк Жюль Мишле (1798–1874) в начале 1850-х гг. написал цикл статей о России. Поводом к написанию этих статей послужило его знакомство с изданным на французском языке в 1851 г. сочинением А.И. Герцена «О развитии революционных идей в России»⁴. Для Мишле, сочувствующего декабристам и полякам, Россия была самой настоящей «империей зла»⁵. Опираясь на сведения, почерпнутые из работ Герцена и прусского экономиста А. фон Гакстгаузена⁶ о русской сельской общине, Мишле делает нелестные выводы о русском народе и государстве в целом. Положение дел в России Мишле описывает так: «Чудовищная жизненная мощь, чудовищная плодовитость, которая грозила бы страшными опасностями всему миру, не будь она уравновешена другой, не менее чудовищной силой – смертью, которой прислуживают два расторопных помощника: ужасный климат и еще более ужасное правительство»⁷. Восхищаясь пронизательностью А. де Кюстина и его работой «Россия в 1839 году», Мишле заимствует у него ряд характеристик русского народа, приводит примеры ужасающей безнравственности русского человека в семье, анализирует его рабское положение в «общинном коммунизме» и заключает, что «глядя на русских, ясно понимаешь, что это племя пока не развилось до конца. Русские – еще не вполне люди»⁸, а само русское государство – это «царство лжи» и «крещендо обманов, мнимостей, иллюзий»⁹. По мнению Мишле, единственное, что может спасти Россию, – это свержение деспотической власти императора. Резкость суждений Мишле о русском народе вызвала протест даже Герцена, который осенью 1851 г. опубликовал в Ницце на французском языке брошюру «Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле»¹⁰, где оспорил утверждение,

¹ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. С. 637.

² «В сердце русского народа кипит сильная, необузданная страсть к завоеваниям – одна из тех страстей, что вырастают лишь в душе угнетенных и питаются лишь всенародною бедой. Нация эта, захватническая от природы, алчная от перенесенных лишений, унижительным покорством у себя дома заранее искупает свою мечту о тиранической власти над другими народами; ожидание славы и богатств отвлекает ее от переживаемого ею бесчестья; коленопреклоненный раб грезит о мировом господстве, надеясь смыть с себя позорное клеймо отказа от всякой общественной и личной вольности» (Кюстин А. де. Россия в 1839 . С. 641).

³ Кюстин А. де. Россия в 1839 году. С. 642.

⁴ Герцен А.И. Собр. соч. Т. 7. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851–1852 годов. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956.

⁵ См.: Мишле Ж. Демократические легенды Севера / Пер. с фр. В. Мильчиной // Отечественные записки. 2007. № 38 (5).

⁶ Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Ганновер, 1847.

⁷ Мишле Ж. Демократические легенды Севера. С 52.

⁸ Там же. С. 155.

⁹ Там же. С. 158.

¹⁰ Герцен А.И. Русский народ и социализм. Письмо к Ж. Мишле / Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: Хрестоматия / Сост.: И.Ю. Демин,

«что Россия не существует, что русские – не люди, что они лишены нравственного смысла»¹, и призвал отличать русский народ от «византийско-немецкого правительства», народную Россию – от России официальной.

В середине XIX века во Франции появлялись и весьма экзотичные представления о России. Эрнест Кёрдеруа (1825–1862) – революционер, публицист, анархист предложил свое видение России и ее будущей роли в европейской судьбе. Под впечатлением идей Ш. Фурье, П. Леру и П.-Ж. Прудона Кёрдеруа сосредоточил свои интеллектуальные усилия на пропаганде анархистских идей братства и сопротивления угнетению и в 1854 г. опубликовал работу «Ура!!! Или революция от казаков». Накануне и во время Крымской войны «казачья» тема активно эксплуатировалась во французском театре и во французской прессе, причем казаки рисовались самыми черными красками. Кёрдеруа трактует популярную фигуру по-своему. Казак, по его определению, это всякий угнетенный. Книга Кёрдеруа – плод разочарования автора во французском революционном движении. Ход его мысли прост: коль скоро Франция не способна измениться самостоятельно, пусть ей помогут в этом русские завоеватели варвары; коль скоро западная цивилизация обветшала и прогнила, пусть ее уничтожит войско Николая I. Осенью 1854 г., когда Франция уже полгода находилась в состоянии войны с Россией, позиция эта стала настоящим вызовом западному обществу².

Сведения о России Кёрдеруа, как и Ж. Мишле, почерпнул по преимуществу из изданной в 1851 г. на французском языке книги Герцена «О развитии революционных идей в России». Доказывая неизбежность падения европейской цивилизации, Кёрдеруа первую же главу посвящает «общему изложению причин, обуславливающих неизбежность завоевания Западной Европы Россией»³. Кёрдеруа считает Россию варварской страной, а единственной миссией русского народа – «завоевывать и разрушать»⁴. «Такой силы, единой, сплоченной и более могущественной, нежели та, благодаря которой существует сегодня Франция, силы послушной, дисциплинированной, вышколенной деспотическим правлением; рабски покорной, в отличие от той, на которую опирается сегодня Франция, силы воинственной и завоевательной, слепой, глухой и немой, разрушительной, презирающей условности и требования чести, кровожадной и более беспощадной, нежели все *сентябрьские* и *декабрьские* убийцы во Франции»⁵, силы, не считающейся ни с какими потерями, ни с какими бедствиями и беспрестанно возрождающейся в лоне нации, которая может и хочет до бесконечности поставлять новых солдат и новые боеприпасы, в отличие от Франции, которая этого не может и не хочет, – такой силы я не нахожу нигде, кроме как в России»⁶. Французским авторам нельзя отказать в исключительной образности и яркости речи. Рисую устрашающий всякого европейца образ России, Кёрдеруа пишет: «Я никогда не отводил России иной роли; я сказал, что она станет

А.А. Ширинянец; подг. текстов: А.В. Мырикова, А.М. Репьева; под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2012.

¹ Там же. С. 453.

² См.: Кёрдеруа Э. Ура!!! Или революция от казаков / Пер. с фр. В. Мильчиной // Отечественные записки. 2007. № 38 (5). С. 159.

³ Там же. С. 160.

⁴ Там же. С. 164.

⁵ Сентябрьские убийцы – участники массовых убийств аристократов в парижских тюрьмах 2–5 сентября 1792 г.; декабрьские убийцы – сторонники Луи-Наполеона Бонапарта, будущего Наполеона III, который в ночь с 1 на 2 декабря 1851 г. совершил государственный переворот; попытки защитить распущенное Луи-Наполеоном законодательное собрание были жестоко подавлены (в Париже было убито около 400 человек).
Примеч. В. Мильчиной.

⁶ Кёрдеруа Э. Ура!!! Или революция от казаков. С. 162.

дубиной, которая расплющит западные страны с их интересами, станет мечом, который разрубит гордиев узел монополии. Только моим противникам из *злободневных политических листков* могло прийти на ум, будто я приписываю русской силе интеллектуальное могущество»¹.

В это же время во Франции увидела свет еще одна необычная и по форме, и по жанру работа, посвященная России, – «История Святой Руси...»² (1854). Название книги обманчиво. Ее автор Гюстав Доре (1832–1883) – не историк, а французский живописец и график. Не имея специального художественного образования, но с детства проявляя свой талант, Доре получил широкую известность как иллюстратор.

Первая его самостоятельная работа «История Святой Руси...» стала реакцией на политические события Крымской войны (1853–1856). Происхождение России, ее история, политическое устройство получили у Доре фантастическую и язвительную интерпретацию. Сам жанр работы был новаторским для XIX века, она представляет собой графический роман – вид визуальной повести, состоящей из гравюр и текста, прообраз будущих комиксов. Сочетая карикатурные изображения с колкими комментариями к ним, Доре создает сатирический образ России.

Это подчеркивается уже в самом названии – «Чрезвычайно образная, увлекательная и причудливая история Святой Руси по старинным источникам и историкам: Нестору, Никону, Сильвестру, Карамзину, Сегюру и др. в 500 рисунках с комментариями». Свой труд Доре начинает с рисунка «черного квадрата», поясняя, что «в непроглядной тьме затеряно начало Истории России»³, а первый русский появился в результате «порочной связи» белого медведя и моржихи⁴.

Прослеживая историю России, Доре намеренно искажает последовательность правителей, родственные связи и даже имена. Например, период феодальной раздробленности XII–XIII веков он описывает так: «...как только трон перешел к Андрею, вся страна легла перед ним на брюхо, дабы вновь восторжествовал мир и всеобщее благоденствие. За Андреем следовал Бруталеслав, великий охотник. За Бруталеславом следовал Бафресслав, большой обжора. За Бафресславом следовал Куатшеслав, непревзойденный оратор. За Куатшеславом следовал Флитцеслав, самый меткий лучник. За Флитцеславом следовал Плумпсислав, ловкий прыгун. За Плумпсиславом следовал Калослав, красавец из красавцев. За Калославом следовал Вутислав, облаченный в доспехи. <...>»⁵. Ряд иллюстраций Доре сопровождает насмешливыми стихотворными подписями⁶. Новаторская по жанру и форме работа Доре полна сатирической фантазии и намеков на варварскую, звериную природу русского человека и государства⁷ и вполне укладывается в русло русофобии того времени.

¹ Кёрдерау Э. Ура!!! Или революция от казаков. С. 163.

² Доре Г. История Святой Руси / Гюстав Доре; пер. с фр. Л. Рофварг, поэт. пер. с фр. И. Евса, отв. ред. Т. Волкова. М.: Астрель, 2012.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Доре Г. История Святой Руси. С. 43–44.

⁶ Например, иллюстрируя период Крымской войны, он пишет: «Когда бескрайнюю страну / вовлек в кровавую войну / царь Николай Добрейший, – / льстец, пристегнув поклон к словам, / спросил: “Не кажется ли вам, / о государь мудрейший, / что в город враг войдет вот-вот?” / Но царь заткнул бедняге рот: / “Зови гостей к обеду / и мне с утра мозги не парь, / поскольку царь на то и царь, / чтоб не проспять победу» (Доре Г. История Святой Руси. С. 149).

⁷ К примеру, любимой забавой детства Ивана IV Доре называет «разрывание кузнечика» (Доре Г. История Святой Руси. С. 87).

После окончания Крымской войны и подписания в 1856 г. невыгодного для России Парижского мирного договора, русофобские настроения как в Европе, так и во Франции обострились. Ярким примером такого обострения является творчество историка, публициста и политика Анри Мартена (1810–1883). Юрист по образованию, А. Мартен известен во Франции как авторитетный историк, член Национального собрания и Французской Академии. Именно под его руководством была опубликована «История Франции» в девятнадцати томах. Мартен отличался крайне неприязненным отношением к России. В одном из его основных трудов («Россия и Европа», 1866), возникшем под влиянием расистских идей поляка-эмигранта Ф. Духиньского, русские («московиты») описываются как склонный к деспотизму варварский народ неевропейского (туранского) происхождения, несправедливо присвоивший историю Руси.

Многочисленными историческими «фактами» обосновывая тезис о том, что русские и европейцы принадлежат к разным историческим расам – арийской и туранской, Мартен пишет о неизбежности решающей схватки между Россией и Европой. Предрекая неминуемую гибель от нашествия москвитов, Мартен призывает европейские государства к объединению как единственному средству противостоять общему внешнему врагу. «Европейские народы еще слабо отдают себе отчет в том, что главной целью создания подобной федерации независимых европейских народов станет их совместная борьба против России»¹. Отказывая русскому народу в праве считаться славянским народом, Мартен указывает на пропасть, разделяющую Россию и остальной цивилизованный мир: «Московит совершенно отличается по духу от славянина и европейца. Основные его качества – все отрицательные: отсутствие индивидуальности, всесторонней развитости, изобретательности и непременно порождаемой ей способности к самосовершенствованию, что сочетается с необычайной покорностью и умением с большой легкостью подражать другим. У москвитов совершенно нет никакой расположенности к созданию свободных сообществ, если только речь не идет о религиозном сектантстве. У них нет традиции совещательных органов и институтов защиты от произвола, особенно со стороны верховной власти, оппозиция которой считается в некотором роде кощунством. Москвиты не знают прав человека, у них наличествует влечение к самовластью и фанатичное преклонение перед грубой силой»². Политический вывод Мартена закономерен: «Русский народ можно привести к цивилизованности только через его поражение в войне. Если Европа не победит Россию, она погибнет. Любая война между самими европейцами есть гражданская война. Война же с москвитами – это битва с внешним врагом, битва за существование»³.

Парадоксы истории привели к тому, что война случилась не между Европой и Россией, как предсказывал Мартен, а между Францией и Пруссией. Несмотря на невмешательство России в этот военный конфликт между империей Наполеона III и германскими государствами во главе с О. Бисмарком и поражение в нем Франции, отношение к России во французском обществе изменилось. После Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Россия стала восприниматься как один из возможных союзников Франции, что в конечном счете привело к созданию в конце XIX века Франко-русского союза (1891–1917).

* * *

Сложную генеалогию имела немецкая русофобия. Ни один из членов Германского союза (1815–1866) не страдал напрямую от царского гнета. Тем не

¹ Мартен А. Россия и Европа. Париж, 1866. С. II.

² Там же. С. 100.

³ Там же. С. 106.

менее изначально либеральное национальное движение в Германии проявляло солидарность с поляками. И не случайно здесь русофобия достигла своего первого пика после подавления польского восстания 1830–1831 гг. Но после того как в 1848 г. стало очевидно, что требование о восстановлении суверенитета Польши несовместимо с территориальными интересами Германии, восторженное отношение немецких либералов к Польше заметно остыло. Национальное собрание, заседания которого проходили в церкви Святого Павла во Франкфурте, приняло в июле 1848 г. решение в пользу «здорового национального эгоизма» против «сентиментального космополитического идеализма» – то есть против Польши. За независимость Польши и тем самым за революционный крестовый поход против России в конце концов выступили только радикальные левые. Но это свое требование они оказались не в состоянии выполнить.

И все же, несмотря на отказ от поддержки Польши, после революции 1848 г., немецкая русофобия достигла новой кульминации. Объединение Германии, предполагавшее территориальное преобразование Европы, было недостижимо без существенного ослабления позиций России. Николай I и его министр иностранных дел граф К.В. Нессельроде считали планы объединения Германии «нелепыми выдумками немецких профессоров». Поэтому многие немецкие националисты выступали за войну против России. Правда, осуществить свои планы они не смогли. Немецкие государства во главе с Пруссией сохранили нейтралитет в ходе Крымской войны, воспользовавшись в полной мере результатами поражения России.

Радикалы же в лице немецкого политического изгнанника Карла Маркса (1818–1883) нейтралитета не сохраняли. Задумав в начале 1856 г. работу по истории русско-английских отношений в XVIII веке, Маркс, по сути, написал памфлет военного времени, который затем опубликовал в газетах сторонников вождя английских русофобов Д. Уркхарта «Шеффилдская свободная пресса» и «Свободная пресса». Что же сделало задуманное историческое исследование политическим памфлетом? Для ответа воспользуемся оценками людей, которых трудно заподозрить в предвзятом отношении к идеологу марксизма. По мнению советских ученых, готовивших в перестроечное время марксовские «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» к публикации, односторонность подхода, тенденциозность в выборе источников, ненаучный характер этих источников привели Маркса «к определенной пристрастности оценок, недостаточной объективности некоторых суждений, искажению многомерной картины исторического развития страны и ее внешней политики»¹. Пытаясь объяснить «незавершенностью работы» недооценку Марксом «иных (кроме норманнского и ордынского) внешнеполитических влияний, среди которых первое место принадлежит византийскому с его православной церковью и высокой культурой»², советские ученые вынуждены были признать ряд положений работы Маркса (суждения об «антиморском» характере славянской расы, о «татаризации» страны московскими князьями, о наличии в политике Петра I «монгольских черт» и др.) не соответствующими современному уровню исторической науки и нуждающимися в критическом осмыслении. Однако незавершенностью работы и некорректным выбором источников вряд ли можно объяснить снисходительно пренебрежительное отношение Маркса к русскому народу. Так, например, насчитав большое количество чиновников-немцев в царской администрации³,

¹ Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века. Предисловие от Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Новый «Священный союз» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 156.

Маркс вполне серьезно назвал их «цивилизаторами» варварской России. По его мнению, именно прибалтийские немцы не только дали реформатору Петру дипломатов и генералов, но «в изобилии снабдили его чиновниками, учителями и фельдфебелями, которые должны были вымуштровать русских, придав им тот внешний налет цивилизации, который подготовил бы их к восприятию техники западных народов, не заражая их идеями последних»¹.

Вообще, «классики марксизма» испытывали непреодолимое отвращение к славянам в целом и к русским, в частности². Так, Фридрих Энгельс (1820–1895) писал о панславизме – идее славянской взаимности, возникшей в XIX веке: «Это нелепое антиисторическое движение, поставившее себе целью ни много, ни мало, как подчинить цивилизованный Запад варварскому Востоку, город – деревне, торговлю, промышленность, духовную культуру – примитивному земледелию славян-крепостных. Но за этой нелепой теорией стояла грозная действительность в лице Российской империи – той империи, в каждом шаге которой обнаруживается претензия рассматривать всю Европу как достояние славянского племени и, в особенности, единственно энергичной части его – русских; ... той империи, которая за последние 150 лет ни разу не теряла своей территории, но всегда расширяла ее с каждой... войной. И Центральная Европа хорошо знает интриги, при помощи которых русская политика поддерживала новоиспеченную теорию панславизма...»³.

Подводя итоги ученых штудий в области «внешней политики царизма», Энгельс в одноименной работе 1889–1890 гг. отказался от тезисов Маркса о «монгольских чертах» внешней политики России и русофильстве политики Лондона как якобы главной проблеме для понимания дипломатической истории XVIII века. В его интерпретации европейская дипломатия в целом и особенно «шовинистическая» царская политика приобретают сугубо антигерманский характер, а «основным вопросом» политической повестки дня в индустриально развивающейся России становятся не «ребяческие затеи завоевания Константинополя, Индии и мирового господства», а ожидание народной социальной революции⁴.

Справедливости ради нужно сказать, что, в отличие, например, от Польши, немецкая русофобия отражала лишь одну из сторон отношения немцев к России. Среди представителей консервативного лагеря немецкого общества существовали и ярко выраженные русофильские тенденции. Достаточно назвать Франца фон Баадера, считавшего русскую церковь неиспорченной цивилизацией, и Августа фон Гаксгаузена, превозносившего преимущества русской общины. Сильные пророссийские тенденции были и в высших слоях прусского общества. Но и здесь возмущение в правящих кругах Берлина вызывал тот факт, что царь рассматривал прусского короля как своего рода младшего партнера и непрестанно вмешивался во внутренние дела Германии. Они стремились освободиться от подобной опеки. И это произошло вскоре после объединения Германии в 1871 г. Пути Германии и России начинали постепенно расходиться. Еще

¹ Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 13.

² Факт русофобского отношения основоположников марксизма к России и русскому народу обуславливался не только классовой ненавистью вождей пролетариата к самодержавию, но и шовинистическим отношением к славянам и личной неприязнью к деятелям русской политической эмиграции – А.И. Герцену, М.А. Бакунину, П.Н. Ткачеву и др., к тем, с кем они сталкивались в своей повседневной борьбе за лидерство в европейском рабочем и социалистическом движении.

³ Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 56.

⁴ Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 47.

в 1871 г. Вильгельм I рассыпался в благодарностях русскому царю за нейтралитет России в франко-германской войне. Но уже некоторое время спустя идея неизбежности борьбы между славянами и германцами, о которой так много рассуждали как в России, так и в Германии, стала реальностью.

* * *

Наряду с «внешней», западной русофобией, русофобские настроения, русофобские образ мысли и действий имели место и в Российской империи. Обратил внимание на это Тютчев, трактовавший русофобию как многогранное явление. Наряду с «внешней» русофобией западноевропейского общества, с соединенными «в одном общем чувстве ненависти к России» «пропагандами» – католической, революционной и пр., которым вторит «насмешка эха» – западная колония образованных русских¹, он указывает на подобные проявления в самой Российской империи, причем не только в кругу либералов, нигилистов-революционеров, «польской оппозиции», остзейского юнкерства, но и в правительстве страны, где разрушающе действовала, как он ее называл, «антирусская клика»² – «все элементы, или нерусские по происхождению, или *антирусские* по направлению». Эта «коалиция всех антирусских в России направлений есть

¹ См.: Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. С. 100, 148. Российские либералы-западники, живущие и в Европе, и в России, это люди, у которых напрочь отсутствует «национальное чувство» и чья русофобия, как считает Тютчев – инстинктивна, беспринципна, не имеет никакой логики и вообще иррациональна: «Раньше они говорили нам, и они, действительно, так считали, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т. д. и т. п., что потому именно они так нежно любят Европу, что она бесспорно обладает всем тем, чего нет в России... А что мы видим ныне? По мере того, как Россия, добываясь большей свободы, все более самоутверждается, нелюбовь к ней у этих господ только усиливается. В самом деле, прежние установления никогда не вызывали у них столь страстную ненависть, какой они ненавидят современные направления общественной жизни в России. И напротив, мы видим, что никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации, которые допускаются в Европе, нисколько не уменьшили их пристрастия к ней» (Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 27. А.Ф. Аксаковой. Петербург. Среда, 20 сент[ября] [1867] // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. М., 1988. С. 306).

² Говоря об «антирусской клике», Тютчев прежде всего имел в виду конкретных лиц в правительстве и управлении империей, которых противопоставлял царствующим самодержцам, находящимся вне всякой критики при жизни. «Клика, находящаяся сейчас у власти, – писал Тютчев, – проявляет деятельность положительно *антидинастическую*. Если она продержится, то приведет господствующую власть к тому, что она не только *потеряет популярность*, но приобретет *антирусский* характер». И в другом месте: «Эти отбросы русского общества, это антирусское отродье, не может не видеть в нем своего злейшего врага...» (Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 58. А.Ф. Аксаковой. [Петербург]. 2 января [1869] // Литературное наследство. Т. 97. С. 352). Это – «клика, которая захватила власть и влияние и путает Россию, а не правит ею» (Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 58. И.С. Аксакову. С.-Петерб[ург]. Среда, 19 февраля [1869] // Литературное наследство. Т. 97. С. 355). Министров Тютчев называл «подлецами», а действия правительства характеризовал как «явное бесстыдство», «явную глупость» и т. п. (см.: Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. А.Ф. Аксаковой. Петербург. 7 декаб[ря] 1870 // Литературное наследство. Т. 97. С. 365; и др.). При этом Тютчев был искренним монархистом, сторонником и идеологом, теоретиком имперской идеи, о «классовой» основе власти не рассуждал, считая таковой основой и критерием ее божественное происхождение и нравственность ее представителей (см.: Тютчев Ф.И. Письмо к А.Д. Блудовой от 28 сент[ября] 1857 г. // Тютчев Ф.И. Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1980. С. 184 и др.). Рассуждая о русофобской «клике» в правительстве, он исходил из того, что действия этих людей прежде всего разрушали русскую печать, препятствовали формированию самосознания русского общества, что и делало эту клику собственно «руссофобской».

факт очевидный, осязательный... в состав этой коалиции вошли, вопреки своей разнородности, и польская шляхта, и остзейские бароны, и петербургские нигилисты, штатные и заштатные. Их связывает одно – отрицательное начало, т. е. врожденная или привитая враждебность ко всему русскому...»¹. Из этих проявлений, которые описал и подверг резкой критике Тютчев, складывается образ русофобии «внутренней».

Одной из составляющих «внутренней русофобии» в России XIX века стали, по мнению Тютчева, «нигилисты» и «польский элемент», которых он вслед за М.Н. Катковым объединяет, усматривая в нигилистических, революционных поползновениях подпитывающую их поддержку поляков и подозревая даже в выстреле Каракозова «польскую интригу». «Нигилисты», как считал Тютчев в начале 1860-х годов, – «заблудшие овцы», скот, взбрыкивающий время от времени: «Я сейчас прочитал в словаре Даля слово брык, и вот как он его определяет: беготня скота, когда в знойное оводное время, задравши хвост, мятется туда и сюда и ревет... И так, скажем с буквальной точностью: брык нашего молодого поколения – нашей *Jeune Russie*»². Роль овода для нигилистов выполняет полиция и в целом власть, «которая за недостатком принципов и нравственных убеждений переходит к мерам материального угнетения, тем самым превращается в самого ужасного пособника Отрицания и Революционного ниспровержения»³. Нигилистов, которыми «все более и более наполняется земля Русская, как каким-то газом, выведенным на божий свет животворной теплотой полицейского начала»⁴, Тютчев считает «выродками человеческой мысли», порожденными не только западными влияниями, но и произволом и подавлением мысли в самой России. В том, что революционные социалистические теории, которые исповедовали нигилисты, связаны с анархией, безверием и безнравственностью, и провоцируются запретами, подавлением, неумением власти противопоставить им адекватные идеологические меры, еще раз убедительно показал первый политический процесс в России – суд над «нечаевцами» 1871 г., заседания которого посещал Тютчев. Тютчев был глубоко убежден, что репрессивные меры материального воздействия в отношении любого проявления зла не всегда единственно годное и возможное оружие: «порой это оружие становится негодным, – негодным в силу того, что оно дает ощущение мнимой безопасности, позволяющее забывать о необходимости иметь гораздо более эффективное оружие»⁵. «Вредным» теориям, социалистическим иллюзиям и «движениям сердца» революционеров нужно противопоставить подлинные принципы консерватизма Самодержавия и духовности православной Церкви, нравственно переубедить заблудшее молодое поколение, о чьих бреднях возможно даже будут когда-то в будущем вспоминать с

¹ Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. А.И. Георгиевскому 1864–1866. 5. Ницца. 2/14 января 1865 // Литературное наследство. Т. 97. С. 387.

² Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 27. И.С. Аксакову. [Петербург.] 23 октября 1861 // Литературное наследство. Т. 97. С. 263.

³ Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 72. А.Ф. Аксаковой. Петербург. 4 января 1872 // Литературное наследство. Т. 97. С. 374.

⁴ Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 27. И.С. Аксакову. [Петербург.] 23 октября 1861 // Литературное наследство. Т. 97. С. 263.

⁵ Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 72. А.Ф. Аксаковой. Петербург, 4 января 1872 // Литературное наследство. Т. 97. С. 374.

грустью¹. В этом его поддерживал М.П. Погодин. В одной из последних своих книг «Простая речь о мудреных вещах», выдержавшей за три года три издания, Погодин, рассуждая о нигилизме и нигилистах, пришел к выводу, что «недоучившихся студентов, озлобленных семинаристов и самоучек-дилетантов», то есть невежд, забывших Бога и «собирающихся строить новое общество... на крови и в грязи», нужно не наказывать, а убеждать и учить². В этом отношении Погодин был абсолютно прав. Погодинский критический вывод о невежестве радикальной интеллигенции получил историческое и социологическое подтверждение и был не раз поддержан русскими мыслителями.

* * *

Катков, Тютчев, Погодин, Аксаков и многие другие их современники не случайно объединяли русских радикалов-нигилистов с польскими инсургентами. Практически для всех русских консерваторов «**крамольно-католическая Польша**» – фанатическая последовательница Запада и постоянная изменница «относительно своих братьев» – славян³. Подчеркивая степень влияния поляков на оппозицию русскому самодержавию, Тютчев отмечал: «Перестав ощущать себя русскими, становятся не космополитами, а непременно, неизбежно – поляками»⁴. Если нигилисты, как полагал Тютчев, враги не очень серьезные, то «польские ксендзы», «польская шляхта», «польская эмиграция», не «польская народность», а именно они – враги особенные, опасные, сознательные и целеустремленные⁵. Русский историк и этнограф А.Ф. Гильфердинг, немец по происхождению, родившийся в Варшаве, прямо указывал на то, что польская шляхта – это «организм разложившийся и уже неспособный к новому развитию»⁶. В свою очередь, Погодин считал, что «шляхта нынешняя, как древние евреи, изведенные из Египта, должна погибнуть в сорокалетнем странствии по пустыне европейской, а новая Польша с освобожденными крестьянами и городами должна начать новую жизнь, новую историю, в соединении с Россиею»⁷. Таким образом, в русской политической мысли четко различали интересы польского народа и польской шляхты. События эпохи освобождения крестьян и реформ шестидесятых годов в России и Польше⁸, когда либеральные действия правительства России упорно «не замечались» польской шляхтой и польской эмиграцией, продолжавшими «протестовать, казнокрадствовать, распускать фальши-

¹ Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 74. А.Ф. Аксаковой. Петербург. Пятница, 28 сентября 1872 // Литературное наследство. Т. 97. С. 378.

² Погодин М.П. Простая речь о мудреных вещах. М., 1873. С. 19, 135 и др.

³ См.: Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. С. 143.

⁴ Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 11. А.Ф. Аксаковой. Петербург. 20 декабря 1866 // Литературное наследство. Т. 97. С. 279.

⁵ См.: Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. С. 143; Он же. Письма к московским публицистам. И.С. и А.Ф. Аксаковым. 1861–1872. 11. А.Ф. Аксаковой. Петербург. 20 декабря 1866 // Литературное наследство. Т. 97. С. 279.

⁶ См.: Гильфердинг А.Ф. Положение и задача России в Царстве Польском // Русский инвалид. 1863. № 254, 16 ноября, № 255, 17 ноября.

⁷ Погодин М.П. Польский вопрос // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 330.

⁸ Как отмечает Погодин, «крестьяне польские сделались такими же собственниками, как и русские; города освобождены от феодального ига, убежища праздности (и политических козней), лишние монастыри, ограничены. Наконец, в последнее время объявлена широкая амнистия: тысячи сосланных за участие в мятеже семейств возвращены на родину, следствия прекращены, конфискации остановлены» (Погодин М.П. Польский вопрос. С. 329).

вые ассигнации, поджигать и требовать не только границ 1772 года, но даже Киева!», убедили их в том, что польская шляхта совершенно чужда не только славянам, но и польскому народу. Шляхта эта, во-первых, имеет западное, кельтическое или романское происхождение; во-вторых, «пришельцы в Польше никогда не соединялись с туземцами, как соединились они у нас и в других странах». Поэтому, приходит к выводу Погодин, «шляхта и народ составляют там (в Польше. – Авт.) до сих пор два совершенно различных общества»¹. Как не без оснований представлялось Погодину и другим русским консерваторам, космополитической, клерикальной, неразрывно связанной с изжившими себя традициями феодальной анархии и сословного эгоизма, обращенной целиком в прошлое шляхте противостояло самобытное, неосознанно хранящее исконно славянские начала крестьянство.

В свете исторических реалий такая позиция русских мыслителей не вызывает никакого удивления. К этому времени противоречия между Польшей и Россией имели уже вековую традицию. Польский вопрос, наверное, был самым острым вопросом внутренней политики России на протяжении большей части XIX века. Этот вопрос, оказавшийся в центре внимания различных политических сил как в России, так и в Европе, в конечном счете, обусловил разделы Польши 1772, 1793 и 1795 гг., так или иначе повлекшие за собой длинную цепь трагических событий, среди которых польские восстания 1830–1831 и 1863–1864 гг. и последующие неудачные попытки царской администрации инкорпорировать Польшу в состав Российской империи. Многие исследователи совершенно справедливо склонны связывать «падение Польши» с глубочайшим и затянувшимся внутренним кризисом, разложением польского государственного строя, всевластием и своекорыстием шляхты, использованными соседями Речи Посполитой, в первую очередь Пруссией и Австрией, а также Россией, для территориальных приращений за ее счет. Большинство историков считает основным архитектором разделов прусского короля Фридриха II, рассматривая роль России как вынужденную обстоятельствами Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., для успешного окончания которой было необходимо нейтрализовать открытое противодействие Австрии и скрытое – Пруссии².

С особой силой русско-польские противоречия обострились после ноябрьского восстания 1830 г., которое стало своего рода рубежом во взаимоотношениях Петербурга и Варшавы. До тех пор предпринималось немало попыток склонить к лояльности шляхту включенной в состав России части Польши. Почти парадоксом кажется то, что из всех держав, принимавших участие в разделе Польши, именно в самодержавной России эти усилия предпринимались к началу XIX века особенно широко. Не в последнюю очередь это было связано с полонофильскими и либеральными симпатиями Александра I, которые он проявлял до 1812 г. «Польши больше нет, но мы продолжаем жить как поляки в Польше» – таково было ощущение жителей Восточной Польши. И даже «флирт» Польши с Наполеоном практически не повлиял на характер русской политики в Великом герцогстве Варшавском, политическое и военное руководство которого было сохранено в королевстве Польском, созданном на Венском конгрессе

¹ Погодин М.П. Польский вопрос. С. 330.

² Именно такой точки зрения придерживался, например, Погодин – автор «национальной» концепции, согласно которой Россия, участвуя в разделах Польши, только возвращала в свой состав украинские и белорусские земли, не присоединив ни пяди территории коренной Польши. Он, как и многие русофилы-патриоты (по крайней мере в России XIX в.), высказывал в адрес Екатерины II едва ли не единственный упрек – в усилении Пруссии и передаче украинской Галиции Австрии (см.: Погодин М.П. Письмо к Гизо о польском вопросе // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 399).

се. Это новое государство на Висле, несмотря на личную унию с русским царем, получило одну из самых либеральных конституций на европейском континенте. В последние годы царствования Александра I эта конституция все больше выхолащивалась. После восшествия на престол Николая I политический курс Петербурга в отношении Польши особенно обострился. И все-таки новый император в мае 1829 г. короновался в Варшаве, став королем Польши. Тем самым он подтвердил польскую конституцию, наличие которой вызывало резкий протест русских консерваторов, справедливо полагавших, что, будучи конституционной монархией, королевство Польское находилось в непримиримом противоречии со всей остальной Российской империей (если не принимать во внимание Великое княжество Финляндское или же Остзейский край, о котором речь пойдет ниже). Поэтому гнев императора и русских консерваторов по поводу «неблагодарности» «изменников–поляков» после восстания 1830 г. был совершенно правомерен.

Для «русской» Польши всегда было характерно противостояние государства и общества, расхождение иерархии общественных и государственных ценностей. С подавлением польского мятежа 1830–1831 гг., к которому присоединилась почти в полном составе правящая верхушка Польского королевства, были уничтожены остатки польской самостоятельности. «Польша должна была погибнуть; – писал Тютчев, и далее подчеркивал, – не самобытность ее польской народности, чего Боже сохрани! Но ее ложное образование, та ложная национальность, которая была ей привита»¹. Взамен отмененной Конституции 1815 г. был введен Органический статут (1832), радикальным образом ограничивающий автономию Королевства, но и он фактически не вступил в силу. Сейм, Государственный совет и высшие судебные учреждения были ликвидированы, перестала существовать польская армия. Место собственного учебного занял Варшавский учебный округ, такой же, как в Киеве или Казани, на территории Королевства стала общеобязательной общероссийская монетная система, система мер и весов. Власти стали активно вмешиваться в дела католической церкви, развернулась кампания по обращению униатов в православие². Противостояние государства, которое олицетворяла Россия, и польского общества особенно обострилось. Сложился даже некий общественный кодекс чести, запреты и заветы которого определяли жизнь в стране гораздо сильнее, чем государственные законы. Социальный престиж в глазах поляков был теперь никак не связан с государственными прерогативами, поскольку считалось, например, что поляки-аристократы, занимавшие высокие посты в аппарате управления, служили не собственной стране, а иностранному господству.

Уже накануне 1830 г. отношение большинства польской знати к России было крайне враждебным. После поражения царская империя на Висле воспринималась не просто как политический противник, но как воплощение зла, а борьба польского народа с Россией – как противостояние света и тьмы. Таким образом, конфликт перерастал политические рамки и приобретал псевдометафизический характер, когда России приписывались стремления не только к деспотическому подчинению своих собственных подданных, но и к порабощению всего «свободного мира», то есть Запада. Революционеры всех стран, указывал Тютчев, возлагают свои надежды на «возможность крестового похода против России», где «полем сражения послужила бы Польша»³. Около десяти тысяч польских эмигрантов, находившихся на Западе после 1831 г., продолжа-

¹ Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. С. 183.

² См.: Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.

³ Тютчев Ф.И. Россия и Запад: книга пророчеств. С. 141.

ли свои споры с Россией и появлялись почти везде и всюду, где велась борьба против царской империи, став для официальных властей синонимами бунтарства и непокорности. Но своей главной победы они добились на арене европейского общественного мнения, инициировав и подпитывая то, что Тютчев назвал «русофобией». Известное резкое ухудшение образа России на Западе после 1830 г., то, что симпатии к Польше испытывали многие европейцы, а к России только немногие легитимисты, объясняется не в последнюю очередь влиянием польской эмиграции.

Примерно три десятилетия спустя после ноябрьского восстания в польско-русских отношениях наметилась разрядка. После поражения в Крымской войне и восшествия на престол Александра II в 1855 г. в России наступила, по выражению Тютчева, «оттепель», были замыслены и стали проводиться в жизнь грандиозные реформы. Не остался в стороне от политики реформ и польский вопрос. И хотя Александр II категорически отказывался восстановить конституцию 1815 г., перемена климата на Висле в конце 1850-х гг. ощущалась всеми. Была провозглашена амнистия политическим заключенным, и в результате вернулись домой из Сибири многие изгнанники. Однако и в это время польские генералы и политики уклонялись от любых шагов, которые можно было бы истолковать как коллаборационизм с русскими. Русофобское общественное мнение в Польском королевстве парализующе влияло на любые попытки нормализовать отношения между Петербургом и Варшавой. Радикалы, вопреки большинству здравомыслящих поляков, выступавших против вооруженного восстания, подталкивали страну к военной конфронтации. Их сила заключалась в том, что они в крайней форме выражали ценности, признанные всеми поляками: готовность бороться за независимость страны представляла собой моральное обязательство, от которого никто не мог отступить. Главное значение придавалось при этом не победе, а воле к сопротивлению. Такой идеализм, в область которого переместился национальный инстинкт самосохранения поляков, вызывал недоумение и восхищение на Западе и откровенное неприятие в России, тем более что позиция многих из них теперь определялась тезисом: «Тот, кто говорит, что мы славяне, является изменником, ибо мы просто поляки»¹.

В русской политической публицистике 1860-х гг., посвященной польскому вопросу, красной нитью проходит мысль о том, что Польша, в отношении которой русское правительство осуществляло «примирительную политику» и поддерживало различные автохтонные преимущества, коих было лишено население центральной России, не сумела воспользоваться монаршим доверием и милостью и ответила на либеральные действия правительства «моральной революцией» и вооруженным мятежом². Одним из примеров неумения и нежелания поляков пользоваться монаршей милостью многим представлялась «система Велепольского» – «образ управления» в Польше с июня 1861 г. до октября 1863 г. – приведший к восстанию 1863–1864 гг.³ Тщательно анализируя проис-

¹ Цит. по: Дьяков В.А. Славянофильские тенденции в польской общественной мысли накануне и во время славянского съезда 1848 г. // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 57.

² «Моральная революция» – по сути, кампания гражданского неповиновения, частью которой стали собрания в костелах, где под видом богослужений пелись патриотические гимны и отмечались памятные даты из истории Речи Посполитой; панихиды и крестные ходы, а также постоянное ношение траурной одежды женщинами в память о жертвах в борьбе за польскую независимость (Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 148).

³ О событиях этого восстания существует обширная литература, огромный корпус источников опубликован в серии: Восстание 1863 г.: Документы и материалы. Т. 1–25. 1960–1986.

ходящее, многие русские публицисты попытались внести свой вклад в формирование как в России, так и за рубежом, релевантного истине общественного мнения, а также воздействовать на разум и совесть восставших поляков. Во время мятежа тон высказываний русской прессы по польскому вопросу был очень жестким. При этом никто не собирался огульно обвинять в преступлениях¹ весь польский народ. Эти преступления против русских, указывал, например, Погодин, «дело партии иностранных революционеров, которые имеют много других целей, кроме национальных»². Такая позиция газет вполне отражала настроения, господствовавшие в русском обществе. Характерный пример – эпизод, произошедший на Славянском съезде 1867 г., когда на банкете в Сокольниках выступил чешский делегат Ф. Ригер. Перед появлением на съезде он совершил поездку в Париж, где вел переговоры с польскими эмигрантскими кругами, а теперь на съезде попытался убедить его российских участников в необходимости компромиссной политики по польскому вопросу. Ригер, в частности, согласился с тем, что поляки неправы, «отчуждая от русского народа его малороссийскую ветвь» (речь шла о Галиции), но пригласил русских согласиться, что и они неправы, когда не признают права поляков на «народное существование», хотя эта ветвь западного славянства отличается от русских и по языку, и по истории. «Докажите, что вы не желали лишить их народности», – обратился Ригер к собравшимся и выразил надежду, что «наши русские братья первые произнесут прекрасное слово христианской любви и примирения»³. В ответ на это заявление выступил князь В.А. Черкасский, который, в частности заявил, что Польша сама виновата в том, что растеряла свободы, дарованные ей Александром I. Он привел ряд статистических данных, свидетельствовавших, что Россия заботилась о развитии образования в Польше больше, чем в российских губерниях, что податей в привислинских губерниях взималось только по 4 руб. с жителя, а в России по 6 руб., что крестьяне при проведении реформы в Польше получили землю на более льготных условиях, чем в России. Поэтому, подчеркнул Черкасский, если поляки осознают все это и придут к нам со смиренным раскаянием, им будут «широко раскрыты наши братские объятия». В отчете о съезде после этих слов сказано: «Невозможно описать то впечатление, которое произвела речь высокоуважаемого оратора. Толпы кинулись обнимать его; со всех сторон кричали: спасибо, благодарим, благодарим»⁴.

В свое время, в середине шестидесятых годов, Погодин, отмечая, что вся европейская печать «кишит» статьями о польском вопросе, что «европейские весы» в этом случае «кривы и не верны», как, впрочем, и во всех других случаях, «когда дело касается предметов, приносящих пользу или причиняющих вред России, которая до сих пор представляется в их воображении каким-то грозным призраком»⁵, настаивал на необходимости жесткого ответа европей-

¹ В ночь с 10 на 11 января 1863 г. было осуществлено «ночное убийство русских солдат» группами вооруженных повстанцев, совершивших нападение на 17 русских гарнизонов; а 31 марта, в первый день православной Пасхи, был оглашен манифест об амнистии всем участникам восстания в Царстве Польском и Западном крае, не замешанным в каких-либо иных преступлениях, при условии, что они сложат оружие до 1 мая. Этот очередной жест царской милости не был принят повстанцами. Итогом восстания 1863 г. явилось поражение поляков с 30 тыс. человек убитыми, потери русских определялись в 3343 человек (из них 2169 – раненых).

² Погодин М.П. Польский вопрос. С. 366.

³ Банкет в Сокольниках // Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в Москве в мае 1867 года. М., 1867. С. 347–348.

⁴ Первый всеславянский съезд в России. Его причины и значение. М., 1867. С. 121.

⁵ Погодин М.П. Польский вопрос. С. 327.

ским русофобам, формулирования и пропаганды русской позиции, «русского мнения», русских доказательств в пользу русского решения польского вопроса. Сделать это тем более необходимо, подчеркивал он, что в основе русофобских выступлений западной прессы лежат нелепости, подобные утверждениям некоторых «крайних поляков» о том, например, «что Россия не существует, что России нет, нема Rusi, и что Русский язык не есть Славянский язык!»¹. Видно нет нелепости, восклицает Погодин, «которая не нашла бы себе последователей, особенно, если она служит к обвинению России, которая все еще составляет какое-то бельмо на глазу у Европы, – жаль, что не типун на языке»².

Одним из таких обвинителей России, был польский инсургент, «парижский профессор истории» Францишек Хенрик Духиньский (1816–1893). В ряде своих трудов, главным из которых стало сочинение «Основы истории Польши и других славянских стран, а также истории Москвы», вышедшее в трех частях в Париже в 1858–1861 гг., он «самым серьезным образом с лингвистической, исторической, этнографической и т.д. точек зрения» отстаивал догму, будто великороссы не славяне. К. Маркс, чьи слова из письма Ф. Энгельсу мы привели выше, с большим интересом отнесся к концепции Духиньского и высказался в ее поддержку: «Он утверждает, что настоящие москвиты, то есть жители бывшего Великого княжества Московского, большей частью монголы или финны и т.д., как и расположенные дальше к востоку части России и ее юго-восточные части <...>. Я бы хотел, чтобы Духиньский оказался прав и чтобы по крайней мере этот взгляд стал господствовать среди славян»³. По сути, не имеющие научной основы писания Духиньского были направлены на обоснование необходимости создания некоего буфера между «арийской» Европой и «туранской» Москвой⁴; вполне понятно, что на эту роль предназначалась независимая Польша, включающая Украину-Русь, Беларусь, Литву, Прибалтику, Смоленск и Великий Новгород.

Идеи Духиньского были с энтузиазмом восприняты польской эмиграцией, мечтающей о восстановлении «Великой Польши от моря до моря», его с восторгом приняли французские русофобствующие интеллектуалы и политики – Э. Реньо, А. Мартен, К. Делямар и др. Сам Духиньский самонадеянно заявлял, что его взгляды «никогда не будут опровергнуты, как никогда земля Польши не перестанет относиться к европейской системе, а земля Москвы к азиатской системе, разве что мы назовем Азию Европой, но и тогда будет две Европы, как, по сути, есть и сейчас, а именно: Европа до восточных границ Польши и Евро-

¹ Погодин М.П. Польский вопрос. С. 368. Один из конкретных случаев такого русофобского «непонимания» Погодин подверг критическому разбору в «Отповеди французскому журналисту» (6 июня 1863) (см.: Погодин М.П. Отповедь французскому журналисту // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 413).

² Погодин М.П. Польский вопрос. С. 368.

³ Маркс – Энгельсу, 24 июня 1865 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 106–107.

⁴ «Мы видим, – писал Духиньский, – что физико-географические черты нашей Родины способствуют, с одной стороны, общности ее жителей с народами Западной Европы, так же, как происхождение жителей нашей Родины, создает, с другой стороны, ее внутреннее единство: мы видим, что физико-географические черты Московского государства как таковые отделяют его жителей от Европы, объединяя их с жителями Центральной Азии вплоть до китайской стены, так же, как объединяют их идейные и духовные потребности, следующие из их происхождения» (Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich i Moskwy. Wyjaśnienie rzeczy co do pomnika mającego być postawionym na pamiątkę założenia Państwa Moskiewskiego jakoby w 862 roku. F.H. Duchinьskiego. Paryż: W drukarni i lit. Renou i Maulde, 1859. S. 13).

па московская, ведь Москва и сегодня составляет половину Европы»¹. Однако идиллию разрушил О. фон Бисмарк, уничтоживший наполеоновскую Вторую империю, а вместе с ней и французскую русофобию, после чего писания Духиньского потеряли былую привлекательность, и всем «вдруг» открылись дилетантизм и политическая тенденциозность их автора.

Русское правительство после подавления восстания 1863 г. уже не интересовало польские национальные проблемы, любые компромиссы и договоры с польским обществом были теперь для него исключены. В самой Польше борьба со шляхтой и католическим духовенством велась не только силовыми военными методами, но и путем реформ, проведенных там сразу же после восстания 1863 г. Однако попытки русификации Польши ничуть не способствовали ее инкорпорации в состав империи, для все новых и новых поколений патриотично настроенных поляков главным врагом оставалась Россия, а в общественном сознании россиян сложилось негативное восприятие «поляков», которые в глазах «нереволюционной» общественности стали выглядеть мучителями русских крестьян, иудами славянского дела, религиозными фанатиками и экзальтированными носителями химерических имперских претензий давно и безвозвратно погибшей «великой Польши» и, наконец, отъявленными русофобами, инициаторами и вдохновителями любых нарушающих национально-политическое единство России движений и выступлений.

Именно в это время под Вильно – на «кресах» (восточных землях бывшей Речи Посполитой) – в родовом имении своих родителей появился на свет человек, которому суждено было сыграть особую роль в польской истории. Юзеф Клеменс Гинятович Косьчеша Пилсудский (1867–1935) не интересовался этнографическими теориями, его больше привлекали социальные и революционные идеи, поэтому он в 1884 г. «назвал» себя социалистом и поставил главной целью жизни физическое уничтожение русского государства с последующим восстановлением на его обломках новой Польши, доминирующей в Центральной и Восточной Европе.

Основатель польской армии и будущий диктатор возрожденного польского государства, Пилсудский был «всего лишь» членом ЦРК подпольной Польской социалистической партии (ППС) и редактором ее печатного органа «Рабочий», в котором поместил свою статью «Россия» (1895). В этой статье он изложил свои негативные взгляды на Россию, которых затем не менял. Суть их сводилась к следующему. Национальный характер и русскую историю, по Пилсудскому, определило долгое и тяжелое монголо-татарское иго, привившее за несколько веков русскому народу дух рабства, покорность власти и безропотность перед ударами судьбы². Рассмотрев положение всех классов российского общества, Пилсудский пришел к выводу о том, что «границы между классами расплывчаты, и, имея рабское прошлое, они (классы. – Авт.) не обладают традицией политической борьбы и способностью к сплочению, к созданию политических партий. Единственная сплоченная сила в России – масса чиновников, эта армия самодержавия. Это также единственная сознательная сила»³. Надежды на русский пролетариат у Пилсудского абсолютно нет, а силой, способной разрушить самодержавие, становится... население покоренных царизмом стран: поляки, литовцы, латыши, русины (то есть народы, занимающие территории,

¹ *Zasady dziejów Polski i innych krajów słowiańskich i Moskwy. Wyjaśnienie rzeczy co do pomnika mającego być postawionym na pamiątkę założenia Państwa Moskiewskiego jakoby w 862 roku.* F.H. Duchin'skiego. Paryż: W drukarni i lit. Renou i Maulde, 1859. S. 30.

² *Piłsudski Józef. Wybór Pism / Wstęp Włodzimierz Suleja, Krzysztof Polechoński. Wybór i opracowanie Włodzimierz Sulej.* Wrocław – Warszawa – Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich – wydawnictwo, 1999. S. 8.

³ *Piłsudski Józef.* Op. cit. S. 16.

принадлежащие в прошлом Речи Посполитой)¹. Итак, все вернулось на круги своя – и у не любящего этнографию революционера Пилсудского цивилизационное превосходство поляков (а также соприкасавшихся когда-то с поляками народов) предопределяет их главенствующую роль в будущем разрушении «варварской» России...

* * *

В правительственной политике и в политической публицистике второй половины XIX века тесно связанным с польским вопросом в «балтийско-польский узел» оказался остзейский вопрос². Связь польской «интриги» с сепаратистскими устремлениями остзейского дворянства для русских консерваторов-патриотов была очевидна. Очевидным для них было и то, что в основе этих устремлений в конечном счете оказывалась русофобия.

Всегда тяготевшие к Пруссии остзейские бароны составляли верхушку общества в «Остзейском крае» – Прибалтийском крае, который с 1801 по 1876 г. включал в себя три провинции – Лифляндию, Эстляндию и Курляндию, соединенные в отдельное генерал-губернаторство Российской империи. В этом крае существовал «особый режим», отличный от системы общероссийской государственности и характеризовавшийся господством немецкого языка, лютеранства, особым сводом законов, судопроизводством, управлением и т. д. Особый режим в крае сложился исторически и первоначально оформился в 1640-х гг., когда шведами был утвержден особый порядок управления и установились сословные привилегии для остзейских дворян, а после завоевания края русскими войсками был подтвержден властями России. Все это делало край, по выражению И.С. Аксакова, «музеем исторических редкостей социального и общественного устройства»³. В общественно-политической лексике того времени даже слово «остзеец», означавшее «прибалтийца», «немца», имело также коннотацию «сторонник “остзейского режима”». Иронизируя по этому поводу, кор-

¹ *Piłsudski Józef*. Op. cit. S. 18.

² Очень хорошо об этом писал И.С. Аксаков, указывая на то, что трудно не заметить аналогию «польского и немецкого дела» – схожесть поведения поляков в Западном крае и немцев в Остзейском крае Российской империи бросается в глаза. Во-первых, «как в северо-западных губерниях поляки, так и в Балтийском поморье немцы – пришельцы и не принадлежат к туземной национальности края»; во-вторых, «как там, так и здесь немцы и поляки – господа в крае, в котором представляют значительное меньшинство»; в-третьих, именно в их руках «сосредоточена поземельная собственность, социальные привилегии и все средства давления на непольские и ненемецкие массы народа»; в-четвертых, в их среде господствует «стремление в Северо-западном крае – ополячить русских и литовцев, а в балтийских губерниях – онемечить латышей и эстов»; в-пятых, «способы претворить туземную народность в польскую и немецкую – употребляются почти одинаковые: религия, школы, соблазны житейских выгод, угрозы, насилия, гонения, унижения...»; в-шестых, «высшие классы, составленные из людей чуждой краю национальности, т.е. из поляков и из немцев, – заслоняли, а в Балтийском поморье продолжают заслонять и теперь, массы сельского населения от верховной русской власти»; и, наконец, в-седьмых, «в этих массах угнетенного сельского населения – глубоко вкоренена национальная вражда к своим насильникам – к польским панам и к немецким рыцарям, – живет искреннее влечение к России, искренняя вера в Русского царя...» (см.: Аксаков И.С. Еще о драгоценных откровениях г. фон-Бокка // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. С. 81. Подобные аналогии, как считает Аксаков, полезны, так как предостерегают русское общество о новой, подобной польской (восстание и т.п.), опасности (с. 82)).

³ Аксаков И.С. По поводу введения русского языка в присутственные места Остзейских провинций // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 15.

респондент одной из русских газет предлагал: «Не следовало ли бы употреблять название “остзеец” лишь для людей, всеми силами стремящихся к сохранению средневековых предрассудков?»¹.

Социально-политическая суть «остзейского» или, как его обозначали в правительственных документах, «балтийского» вопроса, сводилась к коллизии, связанной с двухмиллионным коренным населением края – латами и эстами, которых, с одной стороны, насильственно «онемечивало» остзейское меньшинство и лютеранская церковь при полной идеологической и пропагандистской поддержке со стороны Пруссии («Почти ежедневно, – указывал И.С. Аксаков, – в большей части прусских газет, помещаются статьи, проповедующие крестовый поход на Россию из-за братьев немцев, то есть из-за немецкой колонии в 180 тыс., угнетающей 1 600 000 ненемецкого населения». У Погодина цифры немного другие, но пропорция 1:10 сохранена: «Немцев... в крае меньше 200 тысяч, а Латышей и Эстов более 2-х миллионов»²), с другой – стремились обрусить и прорусски настроить центральная власть и православная церковь.

Пик обсуждения этого вопроса пришелся на вторую половину 1860-х гг. по ряду причин. Во-первых, именно в это время ясно обозначились политико-культурные противоречия романского, германского и славянского миров, наметилось противостояние немецких (или скорее прусских) и русских политических интересов. Польское восстание дало импульс объединению Германии под началом Пруссии («Пруссия не страна, имеющая армию, а армия, владеющая страной»³ и боязнь политической переориентации остзейцев на «фатерланд» стимулировали обострение проблемы русификации прибалтийских окраин империи. Любые шаги российского правительства по русификации вызывали бурную реакцию за рубежом. При этом, по верному замечанию современного исследователя, чаще всего получалось так, что становясь объектом идеологических манипуляций, «термин “русификация” не описывает явление, но оценивает его»⁴.

Во-вторых, внутри России с новой силой проявилось влияние «немецкой партии» при дворе, которая, всячески поддерживая остзейских немцев, да и во-

¹ Кронштадтский вестник. № 115. 9.X.1863. Газета патриотического направления (главный редактор Петр Дмитриевич Рыкачев) выпускалась в Кронштадте морскими офицерами, начиная со 2 июля 1861 г. вначале два, а с 1862 г. – три раза в неделю.

² Аксаков И.С. По поводу «Окраин» Ю.Ф. Самарина // Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М.: РОССПЭН, 2002. С. 688; Из книги М.П. Погодина «Остзейский вопрос. Письмо к профессору Ширрену» // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 4. С. 65. А, например, Ц.Х. Виттекер приводит следующие данные: «Их (прибалтийских немцев. – Ред.) было немного по сравнению с общим населением – в 1850 г. 790 242 из 60 миллионов... Их дворянство, числом всего 5389 человек, происходило из тевтонских рыцарей, и российским властям они противопоставили тактику пассивного сопротивления» (Виттекер Ц.Х. Граф С.С. Уваров и его время / Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. СПб., 1999. С. 226.).

³ Погодин М.П. Речь, произнесенная председателем Славянского комитета, у себя дома, за обычным обедом, в воспоминание о первом Славянском съезде, 16 мая, 1871 года // Погодин М.П. Речи, произнесенные М.П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. М., 1872. С. 612.

⁴ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 55. Не только противники «обрусения» и «русификации» окраин Российской империи не всегда четко понимали то, что они разумеют под этими терминами, но и у самих сторонников «обрусения» не было согласия по поводу того, что есть «русскость»: «одни отводили ключевую роль православию, другие языку и культуре, третьи – расе или крови. Как следствие, различались и представления о мерах, инструментах и задачах русификации» (Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. С. 69).

обще иностранцев, в карьерных и имущественных делах, тем самым, по мнению многих, пренебрегала государственными интересами России. Об этой «немецкой партии» еще в 1848 г. многозначительно писали К. Маркс и Ф. Энгельс: «... Вся русская политика и дипломатия осуществляется, за немногими исключениями, руками немцев или русских немцев... Тут на первом месте граф Нессельроде – немецкий еврей; затем барон фон Мейендорф, посланник в Берлине, из Эстляндии... В Австрии работает граф Медем, курляндец, с несколькими помощниками, в их числе некий г-н фон Фотон, – все немцы. Барон фон Бруннов, русский посланник в Лондоне, тоже курляндец... Наконец, во Франкфурте в качестве русского поверенного в делах действует барон фон Будберг, лифляндец. Это лишь немногие примеры. Мы могли бы привести еще несколько дюжин таких примеров...»¹. Немногим изменилось положение и в царствование Александра II, когда при дворе существовала целая «проостзейская» группа (министр внутренних дел в 1861–1868 гг. П.А. Валуев, министр финансов в 1862–1878 гг. М.Х. Рейтерн и др.). Такое же положение дел сохранялось и в начале царствования Александра III. Таким образом, «воздержание» русского правительства от пересмотра остзейского законодательства объяснялось, с одной стороны, «слабым, даже до позднейших времен, сознанием национальных государственных интересов в русских правящих сферах, вследствие вольного или невольного, слепого подобоострастия к «иностранной культуре»; с другой – «влиянием множества представителей прибалтийского дворянства, занимавших видные места на русской государственной службе»².

В-третьих, в эпоху Великих реформ, либерализации общественной жизни и наметившегося подъема международного престижа России, укрепления ее целостности и роста правового порядка во внутреннем управлении, диссонансом звучали требования остзейских немцев о расширении автономии края, который, по сути, выпадал из правового поля общероссийского законодательства, так как система «остзейского права» утверждала приоритет местных законов над общими, а препятствия, чинимые деятельности в крае православной церкви, издевательства местных баронов над «туземцами», подчеркнута пропрусская ориентация интеллигенции, предпочитавшей давать своим детям образование в германских университетах и не «замечавшей» русской культуры – все это будоражило общественное мнение, вызывало законное возмущение русских, опасавшихся, как писал Ю.Ф. Самарин, «признания балтийского германизма за политическую национальность»; успехов германизации «туземцев», сближения их с немцами против «русских начал» за создание особого остзейского «государства в государстве»³ – то есть всего того, что и составляло цель программы действий остзейцев. Особенное возмущение вызывало отношение к «остзейским протестантам» (выражение Тютчева⁴) – крестьянам, которые в 1840-х гг. в массовом порядке стали переходить из лютеранства в православие. Однако преследования со стороны остзейских баронов, у которых эти крестьяне находились в полной экономической зависимости (прежде всего изъятие земельных наделов), повлекли за собой обратный процесс. С начала 1860-х гг. в высшие административные сферы поступило множество заявлений о желании латышей и эстов вернуться к лютеранскому вероисповеданию.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Новый «Священный союз» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 156.

² Аксаков И.С. По случаю сенаторской ревизии в Курляндской и Лифляндской губерниях в 1882 г. // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 133.

³ См.: Самарин Ю.Ф. Окраины России. Выпуск первый. Русское Балтийское побережье в настоящую минуту // Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 8. М., 1890. С. 140–174.

⁴ См.: Тютчев Ф.И. Письма к московским публицистам. А.И. Георгиевскому 1864–1866. 5. Ницца. 2/14 января 1865 // Литературное наследство. Т. 97. С. 388.

При этом в самой Прибалтике и в Европе считали, что особого «остзейского» вопроса не существует. Немецкая печать старалась перевести обсуждение проблемы в плоскость национальной ненависти русских к немцам, сравнительного анализа достоинств русских и немцев как наций. Именно в таком ключе писали свои «пасквили-элегии» (М.П. Погодин) Е.П. Сиверс, Э. Каттнер, В. фон Бокк и др.¹ Среди этих «пасквилянтов» особое место занимали Карл Христиан Гергард Ширрен (1826–1910) – сын лифляндского пастора, профессор, преподававший историю в Дерптском и Кильском университетах², и Юлиус Вильгельм Альберт фон Эгардт (1836–1908) – балтийско-немецкий писатель, автор работы «Балтийская провинция России» (1869, на немецком языке), уроженец Лифляндии, редактировавший сначала газеты в Риге, а затем перебравшийся на службу в Гамбург и даже ставший германским консулом в Цюрихе. К ним примыкал дерптский уроженец Виктор Амадеус Ген (1813–1890), которого в бытность его библиотечарем в Санкт-Петербурге называли просто Виктором Евстафьевичем.

Антирусские писания этих авторов во многом были ответом на специальные работы Ю.Ф. Самарина. Попав в 1847 г. по делам службы в Ригу в составе комиссии МВД по ревизии городского управления, Самарин два года провел в Прибалтике. Изучив городские архивы, он написал историю Риги (издана в 1852 г. в Петербурге под названием «Общественное устройство г. Риги»). В своих «Письмах из Риги» (1848) Самарин первым в русской печати дал развернутую историко-политическую характеристику Остзейского края, поднял вопрос об отношении прибалтийских немцев к России, нарушениях прав местного населения и русских людей в крае (за что был на 12 дней заключен в Петропавловскую крепость), а затем всесторонне исследовал этот вопрос в выпусках «Окраин России», изданных за границей в 1868–1876 гг., сформулировав задачу российской политики в Прибалтике: опека и поддержка дружественных у России элементов – латышей и эстонцев, освобождение их от немецкого влияния.

«Ответом» на первые выпуски «Окраин России»³ и была брошюра Ширрена «Лифляндский ответ господину Юрию Самарину»⁴. В ней самаринскому

¹ Сиверс – правнук адмирала петровских времен, окончивший Дерптский университет, в 1860-х гг. выступил с рядом критических статей в «Baltische Monatschrift»; Каттнер – выпустил труд «Призвание Пруссии на востоке», в котором доказывались права Пруссии на Прибалтику и живописалась «будущность немецких остзейских провинций под прусским господством»; бывший вице-президент лифляндского гофгерихта (высшего суда) фон Бок издавал в Берлине на немецком языке «Лифляндские сообщения», где «сравнивал старорусскую партию, к которой он причислял и Самарина, со стрельцами и весьма недвусмысленно рекомендовал против нее крупные меры Петра Великого» (Суворин А.С. Юрий Федорович Самарин. Литературный портрет // Суворин А.С. Труды и дни. М., 2004. С. 121).

² Профессор русской истории, автор многотомного издания «Исторические истоки крушения Лифляндской независимости» (Ревель, 1861–1881) и других книг – Ширрен – на русском языке не опубликовал ни одной работы. Лекции его в университете отличались тенденциозностью. Они читались на немецком языке, для немцев и превозносили все немецкое в истории России. После его отставки в 1869 г. лекции по русской истории в Дерптском университете стали читать на русском языке, а сам Ширрен покинул Россию, жил в Дрездене и в 1874 г. занял кафедру всеобщей истории в Кильском университете.

³ Окраины России. Серия первая: Русское Балтийское поморие. Выпуск I. [Русское Балтийское поморие в настоящую минуту (как введение в первую часть)]. Издание Ю. Самарина. Прага: Типография д-ра Ф. Скрейшовского, 1868; Окраины России. Серия первая: Русское Балтийское поморие. Выпуск II. [Записки православного латыша Индрика Страумита. (1840–1845)]. Издание Ю. Самарина. Прага: Типография др. Э. Грегра, 1868.

⁴ Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin von C. Schirren. Dritt e Aufl age. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1869.

воспеванию «инстинктов русского народа» Ширрен противопоставил «право своей страны». Именно ее принято считать апофеозом проостзейской публицистики. Ширрена поддерживал Экгардт, выпустивший в 1869 г. за границей немецкий перевод книги Самарина с тенденциозными комментариями¹. Он же в Лейпциге в 1871 г. издал сборник «Младорусский и старолифляндский. Политические и культурно-исторические сочинения фон Юлиуса Экгардта», выдержавший в течение года два издания. В вошедшей в этот сборник работе «Новая русская эра», Экгардт «кратко» знакомит европейского читателя с историей национальной идеи в России со времени Петра Великого. Основной рефрен этого псевдонаучного труда (он переполнен историческими ляпами и пугающими фразами – «злобно ненавидели», «зловещее молчание», «яростная враждебность» и т.п.) прост – если французы «подарили» России «полукультуру», царившую в «высшем обществе» смесь французских обычаев с «нижегородскими», против которой резко выступали русские патриоты (Карамзин, Пушкин, Грибоедов и др.), то немцы, немецкое просвещение, немецкое образование, философия и т.п., наконец, немецкие администраторы – именно они пытались цивилизовать варварскую Россию – империю «военного абсолютизма», служили главным элементом Просвещения в этой стране «безмолвного раболепства».

Что касается Виктора Гена, то в своих зарисовках нравов русских и характеристиках русской души² он добавил собственную немалую ложку дегтя в карикатурное описание немцами «рабской» России и «умственно отсталого» русского народа³. Русские, как считает Ген, промежуточный результат перехода от татарских племен к европейцам, о чем свидетельствует их рабско-татарская натура. Нравы русских отвратительны, как и их вульгарный облик. Русские – дикари, ленивые, легкомысленные, без совести и чести, всегда пьяные, сексуально невоздержанные, носящие вонючую, грязную одежду, посещающие такие отхожие места, при одном виде которых пробирает дрожь. Вся национальная жизнь в России – помойная яма, а все, что есть хорошего и полезного – выучено или позаимствовано у других народов, прежде всего у немцев, которые и призваны руководить этими дикарями: «Несчастный, жертвенный народ, без саморефлексии, который забывается в водке, народ, привыкший за многие столетия к побоям, издевательствам, к порке розгами и кнутом, к зуботычинам и пощечинам, народ с азиатской доблестью смирения, без опоры, без своей собственной созидательной силы, народ, который с рождения чувствует себя уверенно, если ему приказывают и надо быть послушным, народ, с которым все можно сделать приказом и розгами, которого страхом и взмахами кнута, этим идеальным, обезличенным оружием повелителей, варягов, немецких знатоков строя, можно принудить к геройским подвигам, даже к гениальными деяниям»⁴.

Что в писаниях балтийско-немецких публицистов вызывало категорическое неприятие русского общества? Во-первых, защита давно устаревших привилегий, противоречащих смыслу общероссийских реформ 1860-х гг.

¹ *Samarin J. Anklage gegen die Ostseeprovinzen Russlands / Übersetzt und commentiert von J. Eckardt. Leipzig, 1869.*

² *Hehn V. De moribus Ruthenorum. Zur Charakteristik der russischen Volksseele. Stuttgart, 1892.*

³ Примечательно, что Ген почти двадцать лет исправно служил русскому государству, получал награды и вышел в отставку в почти генеральском чине действительного статского советника.

⁴ *Hehn V. De moribus Ruthenorum. Zur Charakteristik der russischen Volksseele. Stuttgart, 1892. S. 40.*

Во-вторых, «германизация» остзейского края¹, онемечение «туземного населения» – русских подданных и противодействие русификации, под которой подразумевалось введение русского языка в систему управления, судопроизводства и образования (чтобы «русская власть говорила по-русски») и поддержка православия в крае, являющемся частью России². И, в-третьих, привлечение остзейцами заграничной (по преимуществу немецкой) прессы с целью сформировать общественное мнение в Европе, неблагоприятное для России, и оказать давление на правительство.

Универсальную формулу преодоления «племенного антагонизма» немцев, латышей, эстонцев и русских в Прибалтийском крае в свое время вывел Аксаков: «Примирение этих враждующих народностей может состояться лишь на нейтральной почве – их общего подчинения единому русскому государственному началу»³. Разъясняя существо формулы, он в 1885 г. пишет о том, что «единственный справедливый способ уравновесить взаимные отношения трех или четырех в крае народностей, это – подчинить их общему имперскому праву, признать для них обязательным общий государственный язык и общие государственные законы, не касаясь ни их веры, ни народной индивидуальности»⁴. В целом же, источником силы Российской империи, считал Аксаков⁵, являются

¹ Так, Аксаков заявлял: «...не существует ни вражды, ни ненависти в русском обществе к людям немецкого происхождения, ни стремления к нивелировке или сглаживанию всех живых оттенков и особенностей незначительной немецкой части прибалтийского населения». Суть проблемы сводится к тому, «следует ли допустить полную германизацию» 1 700 000 жителей края или следует «заботиться об известной степени их обрусения», в виду того, что германизация края с неизбежностью, как подчеркивает Аксаков, повлечет то, что Прибалтика станет частью Германии. Ответ для российского гражданина очевиден (см.: Аксаков И.С. По поводу статьи «Северной Почты» об отношении русской печати к прибалтийскому вопросу // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 55–56).

² Например, Погодина возмущало то, что русские дворяне, купцы и ремесленники в крае не могут пользоваться правами, какие имеют остзейские немцы, что латышские и эстонские крестьяне не имеют прав на землю и на свободу вероисповедания, что, главное, русский человек там «должен скрывать свое происхождение» и говорить на немецком языке не только в обиходе, но даже в суде и других присутственных местах. Последнее обстоятельство выглядело парадоксальным в свете того, что распоряжением правительства 1850 г. о переводе ведения официальной документации в крае на русский язык именно русский становился языком «присутственных мест» Остзейского края и должен был быть средством коммуникации в общественной сфере. Однако до конца 1860-х в крае это и многие другие решения правительства, при попустительстве (тогда говорили «либерализме») центральных властей попросту игнорировались (Из книги М.П. Погодина «Остзейский вопрос». Письмо М.П. Погодина к профессору Ширрену // Вестник Моск. ун.-та. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 4. С. 71; и др.).

³ Аксаков И.С. О том, что желательнее бы иметь в Прибалтийской окраине русский, а не немецкий университет // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 154.

⁴ Аксаков И.С. Еще об «Окраинах» Ю.Ф. Самарина // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 167.

⁵ Аксаков И.С. Где органическая сила России? // Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М.: РОССПЭН, 2002. С. 260. Однако, к сожалению, в России все произошло по пророческому предсказанию Самарина: «Если бы когда-нибудь русское общество повернулось спиной к Прибалтийскому краю, махнуло рукой на Польшу, забыло про Кавказ и Финляндию, отучилось вообще интересоваться своими окраинами, это бы значило, что оно разлюбило Россию как целое. Тот день был бы началом ее разложения. В тот день возрадовались бы представители всех враждебных ей партий и народностей; Мирославский и Шедо-Феротти, Герцен и фон-Бокк забыли бы на время свои разномыслия; они сбегались бы со всех концов Европы на братский пир и отпраздновали бы вместе канун политического крушения Империи» (Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 8. Окраины России. М., 1890. С. XVII).

не Остзейские провинции, ни Польша и ни Финляндия, как бы ни были они крепко связаны с Русью, а настоящая Русь – «живое, цельное тело, а не мозаичная сборка иноверцев и иноплеменных. К этому телу могут прилепляться прочие народные личности и тела, могут претворяться в его органическую сущность или только пользоваться его защитой, – но весь смысл бытия, вся сила, разум, историческое призвание, весь исторический *raison d'être* – заключается именно в святой Руси...».

